

Борис Сафин
Целинный разлом

Повесть

Борис Сафин

Целинный разлом. Повесть

«Издательские решения»

Сафин Б. Г.

Целинный разлом. Повесть / Б. Г. Сафин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831117-8

Казахстанская Целина приняла всех. Чтобы люди жили, творили, любили, берегли её, как добрую мать. Для кого-то она стала началом крепкой семьи, для кого-то полем рискованных экспериментов. То она одаривала людей богатым урожаем, то осыпала горячим песком. Для Гриши с Феней она стала гостеприимным домом, где выросли дети, внуки, правнуки. Теперь это их ЦЕЛИНА! Земля, впитавшая украинские, русские, татарские, казахские традиции. И им хорошо на этой земле!

ISBN 978-5-44-831117-8

© Сафин Б. Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Шахта 20—20 бис	6
Глава вторая. Целинный разлом	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Целинный разлом
Повесть
Борис Сафин

© Борис Сафин, 2016

© Асылбек Иргалиев, перевод, 2016

© Борис Сафин, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-1117-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Шахта 20—20 бис

Гриша влетел в комнату, как ураган, как вихрь! Опрокинул по пути два стула и сдвинул половички. Вид ещё тот! Жёлтая рубашка с воротником, расправленным поверх серого пиджака и заправленная в широкие серые брюки. Серая фуражка, сдвинутая на глаза. Одна рука в кармане брюк, другая сжимает светло – коричневый портфель под мышкой. Такого встретишь вечером – опасно обойдешь стороной.

– Феня! Корми мужа! Завтра с Иваном едем телевизор покупать! – Гриша расстегнул портфель, вытащил из него толстую пачку денег и, с напыщенным выражением лица, бросил её на стол. Деньги рассыпались по столу, напоминая дорожку в палисаднике после осеннего листопада.

– Ура! – из-за стены выскочили Борька с Валеркой, – Ура! Теперь мы будем смотреть «Мойдодыр» дома!

– Ула! – раздалось из самодельной кровати.

– А ну, дыхни! Опять у Пилипенко горилку пробовал? – Феня, отбросив за плечи свои непокорные кудри, сложила руки с тряпкой на животе, – я же просила: «После собрания сразу домой!». Опять будешь свою гармонию до утра трепать? Как же мне всё это осточертело! Завтра же скажу Валюхе, щоб Ивана, дружка твоего, угомонила.

– На, нюхай! Неделю я горилки в глаза не видел, – Гриша не понимал, почему жена набросилась на него, не замечая денег. Впервые, с окончания войны, шахтерам дали такую премию!

– Феня! Ты глянь сколько денег? Я и говорю – заживем, как люди – дети по соседям не будут бегать на мультики. Да и мы «Голубой огонёк» будем бачить вдвоем, на диване, – Гриша подошел и крепко обнял Феню за плечи.

– Дурачок ты мий. Який огонек? Який диван? Через мисяц Борьке в школу, а у него ще ни портфеля, ни сандалей. Шароваров на них не напасешься, каждый день латаю. Радиске костюмчик пора справить – из старого уже вылез давно. Небось, девки уже заглядываются! Да и у тебя – как на футбол сходишь, считай, рубашки нет – болельщик лысый.

– Феня! Ты меня слышишь? Ты меня видишь? Ты эти гроши видишь? – Гриша подвёл Феню к столу, нежно потряс её за плечи и собрал деньги в кучу, – здесь и на шаровары, и на красивое платье тебе, и на телевизор хватит. Ещё я мальчишкам велосипед к школе обещал. И на велосипед хватит!

– Ура! – Борька с Валеркой начали бороться на полу.

– Ула! – тёмноглазая Любочка застучала по кровати.

И, правда: «Откуда столько денег?» – Феня села на табуретку.

– Ты чи шо, кассу шахтёрскую ограбил, чи в лотерею повезло? – Феня поймала себя на мысли, что никогда столько денег не видела. Даже, когда за войну зарплату заплатили.

– Ну что ты, Фенечка! – Гриша повернулся к ребятам, – вот скажи Борька: – я на бандита похож?

– Похоз! Похоз! – Любочка выбросила в сторону отца деревянную ложку, служившую ей колотушкой.

Валерка попятился за стол, а Борька подошел к отцу, прижался к пахнущему, угольной пылью, пиджаку.

– Ну, что ты, папка! Вчора пацаны говорили, що Стаханов, прихав и, завтра будет шахтеров медалями награждать. А тебе медаль дали?

– Вин сам як медаль! Сверкает, як тот начищенный медный тазик в бане. А вот и Радис со школы пришов! Зараз ужинать будем.

Радис, бросив портфель на сундук, стал рядом с отцом. Руки в брюки, кепка на глазах.

– Похоз! Похоз! – Любочка снова швырнула ложку в сторону братика.

– Что здесь происходит? – Радис заметил дорожку из денег и вопросительно посмотрел то на отца, то на мать, – вы, что? Банк ограбили?

– И ты туда же? Шутник, – Гриша задвинул сыну фуражку на нос, подошел к столу и собрал деньги, – возьми Феня, убери их подальше. Давайте ужинать, потом разберемся. А пока всем цыц!

– Сегодня галушки. Кто не хочет, есть каша, що со вчора осталась.

Галушки! Галушки! – хором закричали мужчины.

Галуски! Галуски! – раздался одинокий голосок из манежика.

– Тогда всем мыть руки и за стол, – Феня убрала деньги в шкаф и ушла на кухню.

– Бать! У меня сандалии порвались. Купи мне штиблеты на резинках. Я посмотрю завтра в сельпо?

– Будут тебе штиблеты. Всё, на сегодня всем цыц. Папка устал.

Ужинали молча. Каждый думал о своем. Радис представил, как подойдет к Наташке в новых, коричневых штиблетах, а она увидит и скажет: «Радиска! Какие у тебя крутые штиблеты! Может, в клуб ходим? Завтра фильм „Веселые ребята“ – все наши собрались».

Борька в мыслях уже гонял на красном велосипеде «Орлёнок» по пыльным улочкам шахтерского посёлка. И уже представлял, как знакомые мальчишки бегут за ним гурьбой и умоляют: «Борька! Дай прокатиться! Ну, хоть разок, хоть вон до того поворота!».

Валерка пытался о чем-то думать, но никак не получалось – горячие галушки, все время, отвлекали от чего-то важного, главного: «Потом у Борьки спрошу, чего мне больше всего хочется».

Любочка ни о чем не думала – она просто радовалась скользким галушкам, которые пытались спрыгнуть с ложки.

Спать укладывались тоже молча. Дети с мыслями: «Быстрее бы завтра!». Только родители никак не могли уснуть...

...Феня, ворочаясь, не могла избавиться от ощущения, что это взаправду, не сон: «Неужели кончились тяжелые времена, и дальше всё будет хорошо? Последние годы, как картинки пронесли перед глазами. Вспомнила, как Гриша привез её с Радиской из Попивщины. Шахтёрский поселок встретил их полуразрушенными бараками и пустой, затопленной водой, шахтой. Нет, комнатка в бараке была чистой, уютной – узнавалась рука хозяйки, покойной подруги, Ольги – матери Радиски. Первые дни Фенька всё время ощущала её взгляд: «Ну что, подружка, справишься? Не загрубеет твоё сердце от навалившихся проблем? Справишься! На то мы и были верными подругами, чтобы прожить одной жизнью. Гриша хороший, ты присмотришься к нему. Да, иногда он спичка! Но в твоих силах сделать из этой спички свечку! Незатухающую, чтобы не обжигала, а грела вас обоих всю жизнь. А жизнь я тебе попросила долгую. Не обещаю судьбу легкую, но, по своему, счастливую. А счастье твое будет обрастать детками! Не скупись на детей, их у тебя будет много – за нас двоих старайся. Помни – моё сердце тоже будет биться в твоей груди – жалеюка моя». «Завтра схожу на могилку к Ольге» – мысленно кивнула в темноту Феня. Да, непросто было выживать в те годы. Продовольственные карточки отменили, но денежная реформа сильно поубавила возможности семьи. Шахтерский паек был скудный – еле-еле дотягивали до конца месяца. Стало полегче, когда устроилась нянечкой в ясли. А в 50-м появилась Раечка – слабенький комочек. Недолго радовались счастьем. Через месяц Раечку похоронили. Феня ходила сама не своя. Гриша успокаивал: «Не трави себе душу. Всё ещё впереди. Всё наладится. В войну и не такое переживали». В 52-м родился Борис, в 53-м Валерик, в 55-м Светочка, в 57-м Любочка. Грише прибавили зарплату. Семья переехала в другой барак с тремя комнатами. Даже сарайчик появился; и для угля, и для старых вещей. В комнатах стала просторней и светлей. Живи и радуйся! Да, кто даст? Трагедия случилась в 58-м. Феня осталась с девочками одна. В обед, уложив Любочку и Свету спать, пошла

на кухню, варить кашу. Пока греется вода в чайнике, Феня возилась в шкафчике перебирая крупу. «Мама пить!» – вдруг послышалось из-за спины. И грохот, плач девочки. В больнице определили ожог 40 процентов кожи лица и спины. Через месяц Светочки не стало. «Неужели Ольга забирает себе девочек? – Феня отмахивала от себя эту навязчивую мысль, но она назойливо всё возвращалась и возвращалась, – когда она оставит меня в покое?». Уже больше года прошло, но сердце ещё болит и не слабеет чувство вины. Да и за Гришу душа болит. Изменился он в последнее время. Раньше, после смены, торопился домой, до ночи возился с детьми. Любил часами рассказывать о своей шахте, об угольных комбайнах. Феня ничего не понимала в этих «Перфораторах, роторах» и других методах зарубки угля, но видела сверкающие от азарта глаза, крепкие руки и радовалась, как девчонка: «Який вин у меня! Вот и сегодня у Гриши сверкали глаза. Видать на том собрании хорошо похвалили его работу. Как – никак начальник смены! И у Назаренко на хорошем счету – вон сколько грошей дали. Лишь бы не пропил их с дружкой своим Пилипенко. Мало им этой горилки, що мы с Валухой ставим им по праздникам! Всё чаще и чаще в субботу приходит навеселе: «Фенечка! Яж трохи! Заскочили с Иваном в столовку только пивка попить. Как же от тяжелой смены отвлечься? Мы ж трохи! Всего по две кружечки». Знаю я ваши две «кружечки». Небось «Чекушечка» рядом плясала! Хорошо, если бы в этой столовке заканчивался отдых от тяжелой смены. Так, нет же! Придет, гармонь в руки, и до полуночи поет свои песни. Одну из них Фенька знает наизусть:

Спят курганы тёмные,
Солнцем опалённые,
И туманы белые
Ходят чередой.
Через рощи шумные
И поля зелёные
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.

Там на шахте угольной
Паренька приветили,
Руку дружбы подали,
Повели с собой.
Девушки пригожие
Тихой песней встретили.
И в забой направился
Парень молодой.

Дни работы жаркие,
На бои похожие,
В жизни парня сделали
Поворот крутой.
На работу славную,
На дела хорошие
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.

Что-то тревожит Гришу. Появились непонятные язвы на ногах. Пробитое на войне легкое все чаще отзывается глухим кашлем. В медпункт идти не соглашается. «Потом, да потом». Теперь вот телевизор надумал покупать. «Що вин той телевизер, тильки мелькае и мелькае» –

Фенька не понимала, как можно смотреть часами на это мелькание; «Чи делов бильше немає!». Фенька вспомнила о толстой пачке денег, успокоилась: «Покупки детям сделаем, а там, чого хоче, то и робе». И сладко уснула, подложив ручки под щеки...

...Грише тоже долго не спалось. Не выходила из головы речь заместителя управляющего треста «Чистяковантрацит» Стаханова Алексея Григорьевича. Мероприятие сегодня было знаменательное; впервые было проведено объединённое торжественное собрание шахтёров двадцати шахт трестов «Шахтерскантрацит» и «Чистяковантрацит», посвященное завершению плана модернизации угольных шахт Сталинской области. Слушая Стаханова, Гриша вспомнил первые послевоенные годы. Почти два года ушло на откачку воды из затопленных шахт, на восстановление крепей, на просушку горячим воздухом восстановленных стволов. Параллельно разрабатывались новые пласты – стране был нужен уголь. Нелегко, ох нелегко доставался уголёк. Хорошо, если после вскрытия, толщина пласта была не менее 1—1,5 метра. Проходчики могли хоть на коленях «вгрызаться» в пласт, расширяя его до уровня человеческого роста. Да и крепильщикам легче было укреплять стойки – крепи. Беда, если толщина пласта оказалась мене 0,8 метра. Лежа, держа ударный молоток перед собой, проходчик «вползал» в пласт, отгребая из под себя осыпающийся уголь. За ним подручный отбрасывал уголь в более широкую нишу и дальше до вагонетки, где диспетчер вел учёт «черного золота». Но это не сравнить с первыми месяцами добычи в высушенных лавах. Обманчивые ровные туннели штреков таили в себе непредвиденную опасность: – оползни, обрушения и неожиданный выброс газа. Земля, после затопления, превратилась в «Кисель» из грунта, породы и угольной пыли. Эта обсушенная «начинка» с тонкой корочкой, как пирог могла, от накопленных газов, раздуться и, смести все крепи на своем пути. Так получилась, когда погибла Ольга, мать Радиски. Резкий выброс газа снёс крепи, оборвал троса и, вагонетки с углём, устремились вниз, сметая всё на своем пути. Гриша готовился к смене, когда сообщили о трагедии. Прошёл год, пока Гриша смог без содрогания спускаться в лаву – Ольга так и стояла у него перед глазами. А потом в его жизни появилась Феня! То, что Феня была подругой Ольги, только сроднило их. Жизнь потекла своим чередом. Вспомнилось, как привезли первый угольный комбайн «Горняк». Шахтеры больше не ползали на коленках в забоях. Добыча угля резко возросла. Но настоящий праздник случился для шахтеров, когда в 1956 году появились комбайны «Донбасс – 2К» – кольцевой бар с одношарнирной цепью в сочетании с отбойной штангой, имеющей две опоры! Комбайн позволял работать с крепкими и вязкими углями, что в несколько раз повысило производительность труда. Вспомнилась статья из журнала «Техника – молодежи» за 1952 год, которую Гриша, как молитву, использовал при беседах с молодыми шахтерами:

«Недалек тот день, когда уголь от пласта до железнодорожного вагона будет добываться без участия человека – это шахта будущего. Настанет день, когда к углю на протяжении угольного пласта не прикоснется рука человека. Этот день – день коммунистического Завтра – уже недалек. В славных рядах советских шахтеров немало молодежи, комсомольцев. Вместе со своим отцами и старшими братьями молодые шахтеры своими трудовыми подвигами укрепляют дело мира, помогают нашей стране двигаться вперед к коммунизму»

Красивые слова – аж дух захватывает! Правда, в жизни не все так красиво. Да, механизация процессов зарубки, отбойки и доставки угля в основном завершена. Это подтвердил на собрании Алексей Терентьевич Назаренко, начальник участка, Герой Социалистического Труда. Но крепи, как устанавливали вручную, так и устанавливаем. Система вентиляции, система газовой безопасности до сих пор до конца не установлена. Месяца не проходит без аварии. На крепких углях комбайны часто выходят из строя. Запчасти на перфораторы ждём по два месяца. Получше стало с бытом шахтеров, запустили душевые. В столовой стали готовить комплексные обеды. Молодёжь потянулась в шахты – работай и радуйся. Но почему-то создавалось ощущение, что «двигаемся к коммунизму» ещё где-то там, под землей. Наверху одни бараки, да пыльные дороги! Третий год обещают начать строительство добротных домов

для шахтеров. Даже проект привезли – красивые улицы «финских домиков» на отдельную семью, с фонарями на асфальтированных улицах. Стаханов так и сказал на собрании: «К концу года, если шахта 20—20бис перейдет в состав треста „Чистяковантрацит“, мы начнём строительство шахтерского посёлка нового типа. Я видел такие посёлки, построенные на репарации из Финляндии. Последние решения съезда партии направлены на углубление жилищной политики. Для небольших сёл это повсеместное внедрение каркасных, утеплённых домиков на одну-две семьи. Наступило время переселяться из бараков в коттеджи финского типа! Через год – другой вы своё село Горное не узнаете!»

«Так вот оно какое – коммунистическое Завтра! – Гриша аж зажмурился от удовольствия, – ай да Стаханов, ай да красиво стелет! «Что это я о плохом, да о плохом? Тебе сегодня Грамоту и премию вручили, а ты в подушку бурчишь! – Гриша ещё раз хмыкнул в темноту и дёрнул ногами»

– Що тобі не спиться? Що ты лягаєшься? – Феня повернулась к мужу и нежно поправила сползающее одеяло, – или уже смотришь во сне той телевизор?

– Да нет, от собрания никак не отойду. Стаханов пообещал поселок из «Финских домиков» построить. С верандой и огородом. Может и нам перепадет! А за телевизор завтра поговорим. Я сплю, – Гриша затих. И не заметил, как уснул под мерное тиканье часов с кукушкой...

Утром, всей семьей, собирали отца в дорогу. Гриша, как всегда, надел свой офицерский китель, который он носил только по праздникам. Борька уже в третий раз объяснял, какого цвета должен быть велосипед, какая рама, какой звонок. Валерка наконец-то решил, что ему нужно привезти:

– Папка! Я хочу петушка на палочке! Красного или зеленого. С гребешком!

– Мани с глебеском! – Любочка, то встанет, то сядет в своей «Крепости».

– Ну-ка цыц! – Гриша ждал, когда Феня отсчитает деньги, – Радис! Может, всё-таки поедешь со мной? Велосипед сможешь нести.

– Не, батя, у меня тренировка – тренер заругает. Ты же с дядь Ваней едешь?

– Вот и беда, что с дядей Ваней! – мать отделила от принесенных денег большую часть и спрятала в карман фартука, – вот тебе Гриша на велосипед, на телевизор. Купишь гостинцы детям. И домой! Остальное купим в Чистяково, на следующий выходной. И не спорь, знаю я ваше «только пивка попить!».

– Ну, что Гриша, готов? – в двери появился взлохмаченный Иван, – Феня, не бойсь! Мы всё доставим в сохранности; и телевизор, и Гришу. Верно гутарю, друг? Пишлы, бо на поезд опоздаем.

Гриша пересчитал изрядно «похудевшую» пачку денег, укоризненно поглядел на Феню и, махнув рукой, выбежал вслед за Иваном.

Село Горное, к которому примыкает шахтерский поселок, небольшое. Не больше сотни дворов с маленьким полустанком. Местный поезд на пять вагонов трижды в день курсировал между Чистяково и областным центром Сталино. До Чистяково шесть километров и до Шахтёрска километров шесть. Но на телевизоры нужно было записываться заранее, месяца за два, а в Сталино универмаг радиотовары продавал в порядке живой очереди, поэтому решили взять билеты до Сталино. Шестидесят километров путь не близкий, но час, полтора тоже не обуза. Гриша любил этот город! После войны, когда учился в школе горных мастеров, город казался серым, неуютным. Разрушенные войной дома только – только начали восстанавливать. В 56-м в скверах и по улицам, вдоль дорог, высадили розы – и город преобразился! А запах цветущих роз! От их аромата кружилась голова, хотелось бродить и бродить среди этого розового, красного, жёлтого великолепия. Гриша уже тогда замыслил: «Когда будет свой дом, посажу розы, пусть вьются вокруг веранды до самой крыши!».

– Ну как тоби Гриша той Стаханов? – прервал мысли Иван, – шото вин вчора гарно стелил про шахты, а сам який-то помятый. Хлопцы гутарят, шо вин закладывае без меры. Живет бобылем. Кажуть жинка его в той Москве осталась, не хоче с ним знаться.

– Тебе бы только критику наводить. Я тоже слышал, что в немилость Сталину он пришелся. Слава его сгубила! Я думаю, поэтому Хрущев его, обратно в Москву не зовёт. Но на собрании он говорил толковые вещи. Вот скажи, Иван, как опытный крепильщик – ты, сколько времени теряешь на простукивание крепей «Як той гарбуз»? Где гарантия, что пропустишь гнилое место? Я уже не говорю, про горизонтальные смещения, про «кручёные» доски. Перфоратор ударно-вращательного бурения это не отбойные молоточки, с которыми ставил рекорды Стаханов и Зотов. За счёт вибрации трясет не только пласт, но и крепи на двадцать метров. Да ты и сам знаешь, что пора или крепи изготавливать из легкого и прочного материала, или менять технологию бурения. А об этом пока серьёзно не говорят. Или хоть взять быт шахтеров. Я, после душа, надеваю чистую рубаху и иду домой. Сто метров до барака, а рубашка уже чёрная! Терриконы с породой нависают над шахтерским поселком! Небольшой ветерок и глаз не открыть. Верно, говорит Стаханов, что посёлками нужно заниматься – нет им места возле шахт!

– За шо уважаю тоби, Гриша, так за справедливость к шахтерам. Ловко подмечаешь ти проблемы – у самую серёдку! Если Стаханов не брешеть, то отдадут нас в трест «Чистяково-антрацит», а у них, кажуть, не забалуешь. Хорошо робишь – на тоби дом с палисадником! Опять гроши хорошие. Я вчора слухав про ти «финские домики», чи коттеджи. Смотри яка красота! – Иван прильнул к окну вагона, – це абрикосы так на солнце играют.

Гриша выглянул вслед за Иваном и поразился: всходящее солнце играет между мелькающих деревьев с абрикосами! Будто не ты двигаешься, а золотой хоровод кружится вокруг тебя в ярких нарядах.

– Так шо я хотел сказать? Хлопцы, шо видали ти домики в Чистяково, кажуть, шо вони холодные. Между щитами пакля и бильше ничего немає. Так вони грубу¹ унутри ставять и ничего, можно зимовать. Я к чому: если нам будут дома строить, то печника знающего нужно присмотреть, щоб стены не рушить.

– Раскатал губу, товарищ шахтер. Подождём «когда яичко в гнезде» будет, тогда и грубу будем налаживать. Может про дома брехня, так, дух шахтерский поднять.

С Иваном Гриша познакомился, когда вернулся из школы горных мастеров. Набирали новую смену для работы в осушенных проходках. Гриша тогда сразу заметил рослого, чернявого хлопца. «Крепкий парень. Такому бревно, как соломинку поднять! А в штрек его нельзя, головой весь уголь обсыпет!». Стать крепильщиком Иван согласился сразу. А когда ему дали комнату в бараке, Иван оказался в соседях. Так и подружились. Через год сыграли свадьбу. Феня быстро сдружилась с молодой невесткой Валюхой и, вот уже десять лет, они в друзьях. Все семейные торжества, все праздники не обходятся без Фенькиных пирожков и Валюхиной горилки. Гриша хорошо играл на гармошке, а Иван плясун, каких поискать! Вот только Иван горюет за сына. Первая девка, вторая девка, а сына всё нет. Нет, девочек он любит, и Оксанку и Леночку младшенькую. «На коленки есть, кого посадить, а шея простаивает!» – огорчился обычно Иван после третьей рюмки, – «Ты вот Гриша скажи, який, такой секрет есть у тэбэ, шо троих мужиков настругав? Може, шо сказать шо нужно, в нужный момент? Или положить який предмет?». Гриша смотрел на кучерявого друга и улыбался: «Какой же он ещё мальчишка! В танке горел, вон шрам на шее от ранения, а ведет себя, как мальчишка». По возрасту они одноклассники. За годы дружбы ни разу не поссорились! Так по мелочам повздорят, когда разговор о политике заведут:

¹ печь с прямой трубой и лежанкой (голланд)

– Ты вот скажи Гриша, як коммунист, почему целину подняли, а хлеба немає? Мясо тильки раз в неделю завозят? В газетах пишут, шо по урожаю рекорды ставить. У мэнэ свояк на целину уехал в 54-м годе. Пишет, шо плантацией заведует в Казахстане, той Уральской области. Бульба, цибуля хорошо родять. Даже гарбузы родять. Мука без карточек, выписывай – сколько хошь! А сюды не хватаеть.

– Какой ты быстрый! Война так землю вспахала, что и десяти лет мало, чтобы её в порядок привести. Опять же урожай от решения партии не зависит. Если в Рязанской и в Липецкой областях хороший урожай собрали, то в Казахстане уже два года хлеб на поле сгорает. Ты же читал в газетах, что и у нас, на Украине, нынче не дотянули до плана. Вон школьников на поля выводят колоски собирать! На последнем съезде КПСС принято решение: дополнительно распахать целину в Оренбургской и Саратовской областях. На западе Казахстана много еще неосвоенных земель. Считаю, вторая Целина начинается. Через год, два ситуация с продовольствием изменится. Хрущев ясно подчеркнул: в ближайшие годы проблемы с продовольствием будут успешно решены! Или ты не веришь власти? Такую страшную войну пережили, переживём и временные трудности. Вон, в сельпо, еще вчера полки были пустые, а сегодня глянь уже и колбаса лежит, и пряники не кончаются.

– Шо ты мэнэ сельпом тыкаешь! Там цены по карману бьют, цей колбасы не захочешь. Я про продмаг говорю – там мышшь скоро повесится, на тих пустых полках. Валюха каже, вчора драка була за той хлеб. Я так кажу: требуешь от шахтеров уголька – корми гарно. Это задача сельсовета и райисполкома. Чи я не прав?

– Да прав, прав. Только не преувеличивай проблему. И не болтай, где не положено. Сам знаешь, что за это бывает. Давай лучше горилки выпьем за наших баб, они лучше всякой власти! И поглядят, и накажут, и на ошибки укажут!

Вокзал встретил шумной толпой. Воскресный день всех сгоняет на вокзал: кто едет родных проведать, кто домой возвращается, а кто в дачный поселок абрикосы, да лещину собирать. Трамвай тоже переполнен.

– И куды люди едут? – Иван почесал затылок, – ладно мы, гроши не знаем куды деть.

– А давай Иван, пешком пройдемся. Три остановки всего, задавят в том трамвае. Тут до универмага полчаса ходу. Успеем даже на рынок заскочить – я Борьке велосипед обещал присмотреть.

– А давай! Я город давно не бачил.

Рынок встретил воскресной толкотней. Овощные ряды манят свежими огурчиками. Пунцовые помидоры аккуратно выложены пирамидками. Вёдра с абрикосами ровным строем приветствуют покупателей! Лёгкий ветерок колышет одёжку на золотистой цибуле.

– Гарбузы! Первые гарбузы! Спелые гарбузы! – подбоченившись, зазывает народ молодка в вышиванке.

– Вишня для компоту! Вишня для вареников! – вторит ей соседка.

– Леденцы! Петушки на палочках! Детям на радость! – прошла мимо полная продавщица в белом халате. Гриша вспомнил о своем обещании, догнал женщину с лотком и взял десять штук: «Пусть побалуются».

На вещевых рядах больше шёпот и шуршание.

– Что ищете? – вполголоса предлагает кофточку мужичок и, уже шепотом, добавляет, – есть крепдешин, шёлк, дамское бельё. Смотреть будете?

– Сапоги! Охфицерские сапоги! Износу немає! – умоляюще призывает дамочка в голубой шляпке и, виновато добавляет, – кавалеру берегла, а вин паразит сбёг! Хай его теперя та паскуда кирзой балуе! Сапоги! Охфицерские сапоги!

– Да, где же здесь велосипеды продают? – Гриша уже устал от этого базарного многоголосья, – Товарищ? Вы не подскажите, где велосипеды предлагают? Что-то мы здесь растерялись.

– Да тута рядышком. Пройдете вперёд, метров двадцать, к выходу. Там и увидите витрину с велосипедами и самокатами. Доброго здоровьица вам.

На доме из красного кирпича красовалась *вывестка* «С ветерком!», чуть ниже – «магазин детских товаров», еще ниже, у порога, очередь, человек двадцать.

– Кто последний? Это очередь за велосипедами? – Гриша взял за плечо, вспотевшего на солнце, дядечку, – Вы давно стоите?

– Стою! Запускают по два человека. Пятнадцать минут выбирают, оформляют, выпускают. Считай, только через полтора часа и дойдет наша очередь...

Через полтора часа Гриша с Иваном, с велосипедом в одной руке, шагали к выходу из рынка.

– Гриш? Ты мэнэ загнав, як того жеребца. Пить уже хочу, исты хочу. Глянь столовка на выходе стоять. Давай зайдемо, перекусимо.

– Я тоже, что-то приутомился. Давай дойдем до универмага, там я помню то ли кафе, то ли ресторан был. Там, как люди, и пообедаем.

Отдел радиотоваров оказался закрытым на обед. Сдав велосипед в камеру хранения, спустились на первый этаж, в небольшое, уютное кафе.

– Нам борщу и котлеток с гречкой – Гриша подозвал официантку в кружевном передничке.

– Може по стопочке? – Иван умоляюще посмотрел на друга, – шо – то першить. Як такую закуску без «подруги»? А?

– Вот умеешь ты, Ваня, правильные слова вставить. И премия, и телевизор нам не просят, если мы их добрым словом не вспомним. Принеси нам, барышня графинчик. Повод у нас.

Горилка тёплой волной разошлась по груди. Вентилятор над столиком бесшумно крутил свои большие крылья, вороша кудри Ивана и салфетки в серебристой вазе на столе. Хорошо!

– Вчора мы с хлопцами поспорили. Почему наша шахта называется шахта 20—20 бис? – Иван отодвинул пустую тарелку из-под борща в сторону, – Степан говорит, что бис – это «Бассейн имени Сталина». Что Сталин, в конце войны, пообещал взять восстановление Донбасса под свой личный контроль. Поэтому областной город и назвали в его честь. А восстановленные шахты награждали, как медалью в честь вождя, добавляя цей «бис». Лексей смеётся. Кажет, шо «бис» это чёрт, чи чертяка, як наши шахтеры после смены. Мол, когда Сталин, первый раз, увидел шахтеров выходящих наверх, из под земли, то воскликнул: «Ну вылитый бес!». По – нашему «бис». Когда он спросил у начальника шахты: «Как называется этот объект?», то начальник от волнения начал заикаться и отрапортовал: «Шахта 20...20.. бис». Так и записали в газеты. Как ты думаешь, Гриша? Брешуть?

– Красивая сказка! И где ты успеваешь набраться этих фантазий?

– Дак цеж ни я. Це хлопцы говорить.

– Ты вот Иван, когда артисты на шахту приезжали, что кричал? Бис! Бис! Не бассейн же имени Сталина! Или чертей звал?

– Помню. Гарно спивали! Так бы и слухав, и слухав.

– Вот, «бис» это повторить ещё раз. Когда шахты восстанавливали, следующие номера были уже заняты. Поэтому и нашли выход – сделать просто повтор: «20—20 бис». Понятно?

– Понятно, – Иван взялся переворачивать котлетки.

До окончания перерыва еще полчаса, а графин уже сиротливо стоит на краю стола, вызывающе показывая пустое дно. Да и котлетка жалостливо зарылась в гречку и ждёт чего-то. Друзья, переглянувшись, без слов поняли друг друга, и стали искать в зале кружевной передник.

– Красавица! Нам ещё графинчик. Больно хорош у вас борщ!

...Когда официантка принесла счёт, у Гриши брови взлетели до того вентилятора. «Вот и пообедали. На пол телевизора! У них что, в том борще рябчики плавали?».

– Да не переживай Гриша! Прорвёмся. Пишлы, а то очередь набезить.

В отделе радиотоваров было всего несколько покупателей. Рыжий дядька что-то горячо объяснял у кассы.

– Товарищ кассир! Может, посмотрите ещё. Я уже третий раз приезжаю, и всё зря. Может, посмотрите? Может на складе осталось?

– Товарищ! Я же вам ясно сказала. «Рубины» закончились ещё утром. Ждите нового поступления. Или берите «Рекорд». Посмотрите, какая красота, какой дизайн! И совсем не мелькает, как у «Рубина».

– У меня мелькает от такой цены. Он же в два раза дороже «Рубина!».

У Гриши ёкнуло под сердцем, когда он подошел к витрине с телевизорами. В ряд, торжественно, выстроились серебристые «Рекорды-331». «Вот он красавец» – Гриша махнул Ивану: «Вот мои – то обрадуются!».

– Да, як мы хотели! Пишлы выписывать. Хай проверяють. Скильки вин стое?

– Двести десять рублей, – медленно прочитал Гриша сумму на ценнике.

– Скильки? Двести десять? Да вин шо, из золота сроблен?

– Подожди, давай посчитаем, сколько у нас осталось, – Гриша достал из кителя деньги и начал с волнением пересчитывать, – Сто. Сто двадцать. Сто восемьдесят. Сто девяносто восемь. И еще пятьдесят копеек. Не хватает 11 рублей. Ваня, займешь до дому?

– Добре друг! Який разговор, – Иван закончил считать свои остатки денег и, замер, как манекен из другого отдела универмага, – сто восемьдесят четыре. Вот тебе и графинчик! Вот тебе и котлетки!

Минут пять друзья стояли и смотрели на телевизор в молчаливом оцепенении. С каждой минутой телевизоры отдалялись всё дальше и дальше, унося с собой мечту и надежды. Одновременно подумали: «А что мы скажем жинкам?». Одновременно бросились к кассе.

– Товарищ кассир! Не могли бы вы показать телевизоры попроще, подешевле?

– Подешевле только «Рубин». Но они ещё утром закончились. Новую партию привезут только завтра утром. Можете записаться на завтра, мы отложим.

– Дивчина добрая! Мы шахтеры из Горного, завтра на смену. Може побачишь на складе? Всего два телевизора. Може побачишь, а?

– Здесь все шахтеры. И все горняки. А «Рубинов» на складе нет, и сегодня не будет. Выберите что-нибудь другое.

Другое! Легко сказать другое. Детишки ждут. Жена ждёт. Ох, и ждёт жена! Ещё как ждёт! Гриша представил Феньку со скалкой в руках, а Иван свою Валюху со сковородкой в дверях, и обоих вдруг осенило.

– Слушай, Гриша. А давай скажем, что телевизоры шибко мелькають, а это вредно для детей.

– И купим по радиоле. У тебя ведь тоже нет. А те динамики, что на стене, то они трещат, как простуженные сороки. И пластинки купим. Как ты думаешь, поверят нам жинки?

На полках с радиолами был широкий выбор. Тут и «Дружба», и «Рекорды» разных размеров и цветов.

– Смотри, какая красивая радиола! «Рекорд – 53М». И стоит, как «Рубин» – 160 рублей.

– А шо? Покупка тоже богатая! И на пластинки хватит!

В отделе пластинок оживление. Девушка подвезла тележку с новой партией пластинок и её тут же окружила пёстрая толпа.

– Зыкина есть? А Эдита Пьеха? Майечку Кристалинскую можно?

– А Кобзон есть? Ребята! Марию Мордасову подвезли! Частушки!

Гриша успел взять Лидию Русланову «Степь, да степь, кругом», Евгения Беляева «Соловьи», Юрия Гуляева «Фигаро», Николая Сличенко «Романсы», Изабеллу Юрьеву «Если можешь-прости» и Нину Пантелееву «Сапожки русские». И, о, удача! Успел выхватить

из тележки Клавдию Шульженко с «Синим платочком». Долгоиграющую! Таких пластинок он ещё не видел.

– Иван, бери другие пластинки, чтобы не повторяться.

– Да я ж и хочу! Давай я буду кричать, а ты говори: брать или не брать. Ольга Воронец «Калинка»! Брать? Добре. Мария Мордасова «Частушки, припевки». Бачу, брать! Кобзона? Цеж наш земляк! Якись Людмила Лядова. Шо? Сменить на Хиля? А вот Гелена Великанова! Я цю певицу слухав! Гарно спивает! Шо, хватить? Да, иду!

Уже на выходе из универмага их догнал худощавый, озирающийся по сторонам парень.

Извините, я вижу, пластинками интересуетесь? Могу уступить Марка Бернеса с «Тёмной ночью» и «Мишкой Одесситом», почти новая. Свояк ещё в прошлом году привёз две из Одессы. Зачем мне две? Доброго вам здоровьица, слушайте в удовольствие.

– И вам не хворать, – Гриша эту пластинку, оглянувшись, сразу засунул под китель.

– Такси! Такси! – сзади друзей догнала машина с шашечками, – Вам куда, граждане? Беру недорого – лечу, как птица! На вокзал? Рубль. Почти бесплатно.

Домчались быстро. До поезда ещё два часа. Жарко.

– У мэнэ така мысля, шо трэба охолонуть, – тихо начал беседу Иван, когда друзья устроились в зале ожидания.

– И пиво в буфете ждёт, чтобы «ополоснуть» покупки, – подхватил Гриша.

– И землячка вона сидит, нехай побачит за нашими коробками.

– И гроши до дому идти не хотят!

...Вторая кружка пива вернула хмель «на место» и жизнь потекла в нужном направлении.

– Мы правильно сделали, что пластинки разные взяли, будем меняться. Тебе какие артисты нравятся?

– Мэни? – Иван поднял глаза к потолку и выдержал паузу, – а, кто «Валенки» и «Катюшу» спивает?

– Лидия Русланова.

– Вот, вот. Вона мне шибко нравится. И Мордасова. И та, шо романсы спивает. Имя у ее мудрёное. Як?

– Изабелла Юрьева.

– Точно, вона. А ещё я наших люблю, Кобзона и Леонида Утесова. Помнишь: «Я одессит Мишка, ты это знаешь...».

– Ну, наши ещё Клавдия Шульженко и Гурченко, что в «Карнавальная ночи» играет. А Юрий Гуляев, тот совсем наш, из Сталино. Как он поет «Фигаро»! Душа разрывается.

– А, вот, шо Гриша було у выхода из магазина? И той, мужик, шо пид фуражку ховался, и ты пластинку сразу сховал. Ну, Марк Бернес. Ну и шо? «Тёмную ночь» и «Песню фронтового шофера» вси знают и поють. Я бачил, давно ещё, фильм «Шахтеры». Вин там шпиона грае. Може уже шпионом стал?

Гриша огляделся по сторонам и, убедившись, что никто не слушает их разговор, придвинулся ближе к Ивану.

– В прошлом году, если я не забыл, в сентябре, или октябре, мы на партийном собрании обсуждали статью в «Правде». Называлась она вроде, как «Пошлость в искусстве» или что-то в этом роде. Так вот он как будто в немилость попал в Москве. В той статье Бернеса обвинили в подыгрывании дурным вкусам в музыке, в пропаганде пошлого ресторанного пения. А в «Комсомольской правде» так вообще в заносчивости, хамстве и покушении на жизнь органов власти. Я долго этому верил, пока, приехавший в гости товарищ-сослуживец не рассказал мне историю. Только давай, Ваня, договоримся – язык на замок, – Гриша ещё ближе придвинулся к Ивану, – слушай, но забудь. Хрущев присутствовал на концерте в Москве, где пел Марк Бернес. После исполнения песен зал начал кричать «Бис! Бис!» – это значит «Ещё! Ещё!» Повторить! Повторить». Бернес поклонился, ушёл со сцены и не вернулся. Хрущев

тогда громко сказал: «Иш ты, не может спеть лишнюю песню!». После этого статья и вышла. А ещё говорят, что Бернес ухаживал за Изольдой Извицкой, знаменитой актрисой. Так вот, за ней начал ухаживать и зять Хрущева – Алексей Аджубей, главный редактор «Комсомольской Правды». Ухаживания Аджубея, Извицкая отвергла, за что хрущеский зять затаил на Бернеса злобу. Тут и случай подвернулся. Ехал Бернес с Извицкой, на своей «волге», по Держинке в Москве и превысил скорость. Это заметил постовой милиционер и попытался их остановить. Бернес не остановился. Больше того, когда милиционер заскочил к нему на капот, он таскал его вокруг памятника.

– Шо то брешеть твой друг. Его бы посадили за такое.

– Ничего он не брешет. Я сам читал статью «Звезда на «Волге» в «Комсомольской Правде». Наверно, Аджубей и заказал эту статью, чтобы отомстить за неудачную любовь. Теперь Марк Бернес в опале. Фильмов нет, пластинок нет. Даже по радио его не слышно. Вот такая история. Хочешь, верь, хочешь, проверь, но лучше забудь от греха подальше. Пошли, скоро наш поезд объявят, нам ещё коробки до перрона тащить...

...А дома ждали телевизор! Радис переставил тумбочку, чтобы с кровати было удобно смотреть всей семьёй. Мать постелила узорчатую салфетку. Борька с Валеркой по очереди мели полы мокрым веником. Любочка барабанила по кровати.

– Яки вы молодцы! Половики вытряхните во дворе. Радиска! Поглядай за Любой, бо я на кухню пойду. Пора ужин разогреть, скоро папка прииде.

– Мам! А чо Борька веник не дае? Моя очередь, хай вин половики трясе.

– Борька, ты же постарше. Иди во двор, а Валерик здесь законче. Морока мне с вами.

– Ну-ка цыц, пацанва! Что вам мать сказала? А то я встану!

В сенях заскрипело, послышал звон упавшего тазика, распахнулась дверь и в переднюю выдвинулась большая коробка. За ней вкатился велосипед с привязанной к рулю авоськой. И только потом появился запыхавшийся Гриша.

– Мамка! Батя «прибыли», – Радис подхватил коробку с велосипедом и, посмотрев на отца, расхохотался, – Батя! Чи милиция за тобой гналась?

Выскочившая из кухни Феня, обомлев, присела на табуретку. Посмотреть было на что. Китель держался на одной пуговице. Из под кителя выглядывал пакет. Фуражка сдвинута набок. Под мышкой прижат ещё один пакет. Карманы на галифе раздуты, как шарики на первомайской демонстрации. Но самое главное – это голубые, невинные глаза! Фенька давно приметил, что у Гриши в жизни коричневые зрачки. Но стоит выпить чего-нибудь «покрепче», зрачки становятся голубыми, а глаза добрыми. «Как такого поругаешь?».

Гриша, переводя дыхание, виновато смотрел на Феню: «Скалки в руках нет! Значит будем договариваться!».

– Борька! Прими у отца пакеты. Радис, сними с велосипеда сетку, бо на пол упаде! – Феня медленно подошла к мужу, заглянула в его бездонные «голубые глаза», поправила фуражку, застегнула китель, – Ладно. Я всё бачу! Ничого по дороге не потерял, охфицер?

Борька вытащил из пакета пластинку и прочитал: «Марк Бернес «Тёмная ночь». Борька ещё в пять лет научился читать и теперь всё на чём, что – либо написано, читал всем вслух, ожидая похвалы.

– Папка? А шо, пластинки по телевизору тоже будут показывать?

Отец промолчал, оттягивая момент самого главного разговора.

– Может, сначала поужинаем? Феня, как ты считаешь? Дети! Там в авоське петушки. Налетай! Феня! Это тебе, – Гриша медленно вытащил из кармана галифе цветастую газовую косынку и повесил Фене на плечо, – Радис? Как тебе наша мама?

– Мама у нас красавица! – Радис уже вытаскивал из коробки ящик, – Что-то на телевизор не похож. Съёмный экран наверное в коробке.

– Рекорд – 53 Мэ, – Борька не уступал свое первенство в чтении, – Радиола. Радис? Радиола, це телевизор, чи радио?

– А где телевизор? – Радис уже понял в чём дело, – Батя, у нас похожий в клубе стоит, для танцев. Клёво играет! А, что, телевизоров не было?

– Не было, дети. Сказали, что вчера разобрали и только в понедельник подвезут. Я и подумал: «Успеем еще телевизор насмотреться». Да и говорят для глаз плохо. Вы ж не сможете, как в инструкции написано: «Детям не более полтора часа в день!». А здесь и граммофон и радио. И глаза не портить. И музыку, хоть до утра слушать можно. Правильно я решил, Феня? – Гриша не смог посмотреть ей прямо в глаза: «Поймет, что соврал!».

– Ладно. Нехай радиола. Цей телевизор будет тильки рябить.

Валерка крутился возле велосипеда.

– Борька! Научишь меня кататься? Я тоже хочу. Смотри, тут звонок звенит. Здорово!

– Весипед! – Любочка, наконец-то оторвалось от своего петушка, – хосю весипед!

Радиска установил радиолу на тумбочку, натянул антенну на оконный карниз, и уже через минуту зычным голосом Марии Мордасовой по бараку «понеслись» задорные частушки.

– Гриша! У меня всё стынет. Переодевайся и сходи за Иваном и Валей. Заслужили.

В этот вечер все плясали. И Борька с Валериком. И Иван с Валухой. И Гриша с Феней. И Любочка со сладким петушком в руке...

Велосипед Борьке не понравился. Нет, он красивый, блестящий. И звонок звонко звенит. Но ноги до педалей не достают. Борька пробовал «под рамку» кататься, но на третий день упал и поранил ногу. Мать велосипед забрала и повесила на стенку в сенях: «Подрасти трохи! Скоро в школу. Как пораненный пийдешь?».

А вот школа понравилась. Особенно первый день. Борьку посадили за одну парту с Кларой, двоюродной сестрёнкой. Её семья; дядя Бари, тётя Надия и ещё одна сестрёнка Альфия, приехали недавно из Казани и поселились рядом в бараке. Тётя Надия папина сестра. Как она красиво поёт. Заслуженная артистка Татарской ССР. Она сама рассказывала! Поёт, как Нина Пантелеева из той пластинки: «Ах! Сапожки русские!»

И учительница понравилась – Зоя Александровна. Борька, до сих пор, помнит её слова.

– Здравствуйте дети! Я ваша первая учительница. Зовут меня Зоя Александровна. Я научу вас писать, читать, считать и думать. Я помогу вам научиться совершать правильные поступки, уважать старших и любить свою Родину. Но в первую очередь будем учиться уважать тех, кто сейчас рядом с вами. А для этого нужно познакомиться.

Когда очередь дошла до Борьки он выпалил:

– Борис Сафин. Семь лет! А я умею читать! Я уже прочитал все книжки дома. И «Приключение Незнайки» и «Чиполлино». И про царя Султана. И считать умею до ста!

– Молодец Борис. Только хвалиться не лучшая черта человека.

– Хвальбун! – раздалось с задней парты. Послышались смешки.

– Если ты, что-то делаешь лучше других, то помоги им своим умением. Договорились?

Борька понял, что сказал, что-то не так и, кивнув, затих.

– Не бойся, я с тобой, – Клара на голову была выше Борьки и, наверное, всех в классе.

А потом, после экскурсии по школе, всех повели в столовую и напоили вкусным компотом из абрикосов.

Дома, прибежав со школы, Борька усадил перед собой Маму, Валерку и Любочку и, два часа, рассказывал им про школу. Валерка, открыв рот, слушал об огромных досках, где можно без опаски рисовать мелом. Про страшные чучела и скелет за стеклом. Про большую деревянную землю, которая крутилась сама по себе. Особенно понравилось про космос. Оказывается космос – это небо в звездах. И там летает такая маленькая коробочка и пикает: «Пик. Пик! Пик!». Любочка сначала внимательно слушала, как Борька размахивает руками, а потом тихо уснула. Так и проспала Борькины истории.

– Бреешь! – мать еле-еле остановила Борьку, – стильки за два часа не бывае. Фантазёр ты, сына. Ох и фантазёр! Но, що понравилось у школе, это хорошо. Будеш мэнэ учить.

– И меня! И меня Борька, – закричал Валерик и, разбудил Любочку.

– И мне! И мне, – не понимая, что за шум, потребовала Любочка, оторвавшись от теплой подушки...

...Стаханов слово своё сдержал. На шахте зачитали приказ о передаче шахты 20—20бис в трест «Чистяковантрацит» и строительстве посёлка для шахтёров. В середине сентября на пустыре, возле полустанка, появились штабеля стройматериалов. Начальник шахты Назаренко дал распоряжение профкому подготовить список первоочередников. Гриша приятно был удивлен, что в списке третьим значился «Сафин – начальник смены, дом №3, многодетная семья».

«Это Фене нужно сказать спасибо. Без неё многодетной семьи бы не получилось» – подумал Гриша, – да и я, конечно, молодец!

Дома строили быстро. Такие домики у Борьки с Валеркой в игрушках. Берёшь стену, раз! Берешь другую, два! Крышу с трубой, три! И дом готов. Когда поставили крышу, Гриша повёл Феню посмотреть на новое жильё.

– Полы покрасим, бо я устала ти доски драть, – Фенька придирчиво осматривала двери, окна, потолок, – в субботу прииду, окна паклей трэба пройти. Скоро морозы приидуть.

– Иван нашёл печника. Как прораб разрешит, будем грубу ставить. А заселение на октябрьские праздники обещают.

Новоселье праздновали два дня. Сначала собрались в доме у Ивана с Валею, а на второй день у Гриши с Феней. Дома получились тёплые! Дети забралась на лежанку и наблюдали, как взрослые пели и плясали. Гриша не выпускал из рук гармошку. Дядя Бари выделявал своими длинными ногами смешные «Кренделя». Тётя Надя пела татарские народные песни. Валя с Феней спели свою любимую «Ты ж мэнэ пидманула. Ты ж мэнэ подвела, Ты ж мэнэ молодого, с ума – разума свела!». Когда Иван с Гришей затагнули свою «Тёмную ночь» дети уже сладко похрапывали на тёплой печке...

...Декабрь порадовал снегом! Для всех нашлось занятие. Радис, после школы, брал лыжи и уходил с ребятами на террикон. Борька с Валеркой на санках, до темноты, катались в овраге за домом, пока мать не погонит веником домой. Любочка ковырялась лопаточкой у порога. Хороша зима в Донбассе! Чистая, мягкая, снежная. Не гоняет ветер угольную пыль по улицам и переулкам. Терриконы надёжно укрыты белоснежной шубой, сверкающей на солнце! Феня вытащила из дома и разложила половички на белой снежной скатерти: «Пусть освоятся!». Только Грише как то не по себе. Свежий воздух «холодит грудь», не дает свободно дышать, отдаётся кашлем. Феня давно заметила, что всё чаще и чаще приходит Гриша уставшим с работы. Сядет, отдышится, и только потом начинает свой разговор.

– Тоби в клинику трэба сходить, Гриша. Боюсь я за тэбэ. Може рана на лёгком проснулась? И ти пятна, що на ногах я бачу. Сходи, не пугай мэнэ и детей.

– Хорошо Феня. Сейчас на шахте аврал. Конец года. Вот встретим новый 1960 год и схожу. Посмотрю, что там мешает мне? У нас на работе профосмотр намечается, врачи с Чистяково приедут. Вот я и покажусь.

...Новый год – семейный праздник! Поэтому решили никуда не ходить и никого не звать! Феня металась от кухни к залу, от зала к кухне. Гриша ещё на работе. Радис, как всегда, где-то со своими сверстниками всё никак не расстанется. Борька с Валеркой наряжают ёлку – нужно следить, чтобы не уронили. Только Любочка молодец! Заворожено выглядывает из своей «крепости» на зелёное нарядное чудо. «Какие смышленные у меня дети! – Феня, на минутку, задержалась, – устрою я сегодня им сюрприз!».

Да, фантазии у Борьки и Валерика не занимать. Перевернули табуретку, обвязали простынёй, вставили ёлку, перетянули бечёвкой и, «вот она нарядная на праздник к нам пришла!». Наряд мастерили всей семьёй. Борька пожертвовал своей цветной бумагой, из которой сделали разноцветные флажки и звёздочки. Из картонок вырезали фигурки и наклеили обертки от конфет. В некоторые обёртки завернули бумажки от газет и получилось, как будто настоящие конфеты качаются на зелённых иголках. На ветки набросали кусочки ваты и обсыпали «блестинками» от шоколадных конфет. Несколько краснобоких яблок придали торжественность и аромат. А корона с блестками на голове Любочки придавала празднику загадочность и ожидание чуда! И уже через мгновение чудо свершилось! Распахнулась дверь и на пороге появился... Да, это он! С красными щеками от мороза, с заснеженной шапкой и белым сугробом на плечах, со сверкающей улыбкой и авоськой, полной оранжевыми шариками.

– Папка! Папка пришёл!

– Плисол! Плисол! – «принцесса» с осторожностью приблизилась к авоське.

– Я знаю! Я знаю! Это мандарины! Это же мандарины? Я угадал, папка? – Борька опять загордился своими познаниями, но всё же засомневался, – папка, это же не яблоки?

– Это, дети, от солнышка подарок! И Деда Мороза! – Гриша уверенно и горделиво глянул своими совершенно трезвыми глазами на Феню, – и от профкома шахты 20—20 бис. «Не голубые! – подумала Феня, – ну и хорошо, что не голубые!»

– Ну и где того Радиса черти носят? Нияк с той Наташей не распрощается? Скоро семь часов, а мы ещё стол не украсили, – Феня забрала у Гриши авоську и направилась на кухню, – сховаю от греха подальше, бо до стола не доживу.

– А вот и я! – в комнату влетел взерошенный Радис, – а чем так вкусно пахнет?

– Мандаринами! Папка мандарины от деда мороза принёс! – Валерка заплясал перед старшим братом, проверяя на слух новое, необычное название.

– Мандалины! – уверенно подтвердила «принцесса», как будто в той, сказочной жизни, её кормили только оранжевыми, сладкими мандаринами.

К столу все сели нарядные. Гриша надел свою любимую жёлтую рубашку и выглядел, как большой цыплёнок. Радис присел, рядом с отцом, в новом свитере с квадратиками на груди. Валерка нацепил костюм зайчика и размахивал во все стороны длинными белыми ушами. Борька отказался надевать зайчика и сел в матросском костюмчике, в котором выступал на школьном концерте. Любочка, в костюме снежинки из тюля, наотрез отказалась снимать корону. Королева снежинок! Феня, в голубом платье и блестящими кудрями, в цветастом переднике, возилась на кухне. Так и вышла к столу, забыв снять передник.

А стол получился богатым! Картошечка, политая слегка прижаренной цибулькой, дымилась у края стола. Селёдка удивленно смотрела на Борьку своими закруглёнными глазами. Винегрет раздулся на своей горке, по – хозяйски осматривая, застывшие в ожидании, закуски. А, что закуски? Они, не торопясь, выстроились в очередь вокруг пустого, посреди стола, места, куда скоро прибудет «КОРОЛЬ» стола! Повелитель всех этих тарелочек с салом, колбаской и сыром. Только сметана может смягчить его пылкий жар!

– Хлопцы! Мужики! Я иду! – из кухни выплыло большое блюдо и бесцеремонно разместилось посередине стола. Зелёный лук почтительно склонил свои перья. Даже горчица всплакнула от умиления! – Налетай! Вареники с картошечкой и шкварками! К вам с приветом – вареники с секретом!

– Мандалины хосю! – вареники от возмущения расплзлись по блюду.

– Ну-ка цыц! – Гриша сглотнул слюну, – насыпай Феня!

– Кому попадётся секрет, тот расскажет куплет! – Феня, раскладывая вареники по тарелкам, хитро подмигнула Радиске.

Первый «сюрприз» попался Валерику.

– Мама! У меня морковка в варенике! Мне загадывать желание?

- Да! И, щоб оно сбулось, тоби трэба рассказать стишок или що нибудь ещё.
- Стишок! – Валерик залез на табуретку и потрепал хвостик:

– Зайку бросила хозяйка,
под дождем остался заяка.
С лужи выбраться не смог,
весь до ниточки промок!

Все бурно заплодировали и Валерка, от гордости, чуть не свалился с табуретки. Второй секрет нашла Любочка: в варенике оказался творог, вместо картошки. – А Любочка расскажет тоже стишок. Какой стишок расскажет Любочка? – Феня поставила «принцессу» на табуретку и поправила корону, – давай вместе «Уронили Мишку...

– Улонили Миску на поль!
Отолвали Миске лапу!

Любочка выставила вперед руку, внимательно посмотрела на неё и, забыла, как дальше.

«Всё равно его не брошу! – подсказал Борька.
– потому... он холосый!

– Умница! Молодец! Загадывай желание, и оно обязательно сбудется.
– Мандалины хосю! – «королева снежинок» посмотрела на дверь кухни, ожидая, что сейчас оттуда «прискочат» мандарины.
– Они спорят «Кто из них слаще?» – Радис вскочил со стула, – пойду, потороплю.
Через мгновение из кухни выкатился пузатенький мандаринчик и застыл возле табуретки. Любочка сделала такие глаза, что плечики у снежинки подпрыгнули до самых ушей.
– Куда? – Гриша поймал, падающую с табурета дочурку, – у тебя ещё крылья не выросли, бабочка, – вытертый о скатерть мандаринчик спрятался в Любином карманчике.
Борька доедал уже третий вареник, а секрета всё нет. «Неужели я съел секрет и не заметил?» – Борька надкусил четвёртый вареник, и улыбка расплзлась до самых ушей.
– Мам! А кусочек бублика в варенике это секрет, или Любочка забросила? Я видел, когда она бублик грызла.

- Як это в варэник бублик закинуть? Это самый настоящий секрет! Загадывай желание!
- Моё желание тоже секрет! А вам я станцюю матросский танец «Яблочко».

Радис подал отцу гармонь, и полилась зажигательная мелодия. Борька, то ходил по кругу с раскрытыми руками, то приседал, выбрасывая ногу вперёд. Особенно красиво получалось у него, когда он закидывал поочередно руки за голову. Правда, пару раз, нечаянно сбил бескозырку с головы, но этого никто «не заметил».

Грише попались сразу два вареника с секретами, и ему пришлось, сначала сыграть свои любимые «Амурские волны», а затем, по желанию Радиса, сыграть «Светит месяц, светит ясный». Борька с Валеркой взялись танцевать вальс, но только всех рассмешили. Сначала Валерка наступил Борьке на ногу и получил подзатыльник. Потом Борька наступил Валерке на ногу, за что Валерка укусил Борьку за ногу. После небольшой потасовки и вмешательства Радиса они помирились, и танец закончили «Без потерь».

– Я не понял! Может и третий секрет к моей тарелке прилип? – Гриша остановился взглядом то на Фене, то на Радисе.

– Ну, что – ты, батя! У нас всё по честному, – Радис развёл руками и хитро улыбнулся матери, – так, что готовься «Катюшу» играть! А потом пластинки включим...

Когда пробили куранты, дети уже спали. Радис помог собрать посуду со стола и тоже пошёл спать. Гриша и Феня до трех часов просидели на кухне. Вспомнили тяжелые времена и счастливые дни.

– Спасибо тебе Феня за всё. Помнишь, как ты на телегу запрыгнула, когда я Радиску забирал? Испугался я тогда, скажу честно. Как оно всё будет у нас? Пока ехали, голову себе сломал. Но от тебя такое тепло лилось, что я успокоился. Хорошо мне с тобой! Двенадцать счастливых лет ты мне подарила! И дети тебя любят. Давай выпьем, чтобы чёрные тучи обходили наш дом стороной.

– А шо я? Без тэбэ ничего бы не було. Ты у мэнэ защита, як та скала. Возвернуть ту телегу, я бы снова запрыгнула. Женское сердце не обманешь! Судьба нам свой век доживать. Тильки не хворай, бо я без тэбэ жизни не вижу. Ты выпей, мне посуду ще домывать...

...Профилактический осмотр шахтёров прошёл организованно. Рентген, кровь, давление и ещё какие – то процедуры закончили до обеда и, к вечеру, все были уже дома. Гриша прошёл осмотр вместе со своей сменой. Врач заметил тёмные точки и язвочки на ногах, но ничего не сказал, только покачал головой. «Пронесло» – с облегчением вздохнул Гриша, когда автобус остановился у шахты. Не пронесло! Через неделю позвонили с Чистяково и попросили Гришу, и еще трёх шахтёров, заехать в поликлинику.

– Ты ж казав, шо всё нормально? – Феня провожала мужа в тревоге, – може мазь яку выпишуть? Ты не шути Гриша, делай, як врачи кажут. И рану свою хорошо побачь. У мэнэ сирдце не на мисте. Щось болить.

– Обещаю, всё послушаю. И лекарства, что врач скажет, куплю. Но думаю, что обойдется. На войне и не такое терпели. К вечеру буду дома, ты борщ обещала, приеду голодным.

Вечером, дремля в автобусе, Гриша ещё и ещё прокручивал в голове разговор с терапевтом. «Не может такого быть! Может всё-таки ошибся врач? Как я это всё скажу Фене? – у Гриши только от этой мысли закружилась голова, – что он ещё там говорил?»:

– Глимхан Мусалимович! Я хотел бы, чтобы вы послушали меня спокойно, без паники. Вы не первый, вы и не последний. Каждый пятый шахтер, увы, сталкивается с этой проблемой. Попробую объяснить вам простым языком. У вас, на шахте, установлены вентиляционные системы. Не вам объяснять, зачем они установлены. Сколько раз вы их разбираете и очищаете? Каждые три месяца? А вы видели, как изнашиваются лопасти вентиляторов? Так вот очищающие системы легких шахтёра тоже перестают справляться с этой задачей. Как правило, это проявляется уже через десять-пятнадцать лет работы. Вы сколько лет в шахте? Четырнадцать будет? Вот и я, когда изучал вашу рентгенографию, об этом подумал. На снимке ясно просматриваются локальные очаги угольной пигментации в виде «антрацитовых пятен». Вот поглядите! Отсюда отдышка, страдает сердце. Сердце не справляется с оттоком венозной крови от органов, что приводит к застойным явлениям, расширению вен. Особенно нижних конечностей. Когда я осматривал ваши ноги, я уже тогда предполагал, что покажет рентген. После анализа ваших результатов осмотра мы пришли к выводу, что налицо такая нехорошая болезнь, как Антракоз – поражение легких от угольной пыли, а точнее от двуокиси кремния, который присутствует только в антрацитовых углях. Ситуация усугубляется Антракозом кожи.

– Доктор! Я вас понял. От этой болячки мне не уйти. Выпишите мне лекарства, я обещаю принимать, как напишите. Думал, обойдется. Теперь понимаю – не обойдётся.

– Вы, Глимхан Мусалимович, дослушайте, что я вам скажу. У Антракоза три стадии развития, то есть три степени. Первая стадия вынуждает нас переводить шахтера наверх, на другую работу, не связанную с угольной пылью. Третья стадия – инвалидность, требующая длительного, дорогостоящего лечения в стационарных клиниках. У вас мы определили вторую стадию. Это значит, что вам необходимо сменить не только профессию, но и климат. Лёгкие постепенно восстановят свою очищающую функцию только в жарком климате, с хорошими экологическими условиями. Например, центральная часть крымского полуострова. Хорошо

подойдет вам климат Западного Казахстана или восточная часть Саратовской области. И категорически бросить курить!

– Доктор! А если я переvedусь наверх и буду принимать ваши лекарства? А потом ещё проверюсь. Вдруг лёгкие справятся?

– Дорогой вы мой человек! Думаете, я не заметил, что у вас дырка в легких? Вы хотите её разбудить? Тогда ни одна клиника вам уже не поможет. Только смена климата и регулярный приём препаратов, что я вам написал. Заключение врачебной комиссии мы направим вашему руководству, получите его там. И успокойтесь – не всё ещё потеряно. Люди живут везде! И не пытайтесь закрепляться в городах. Только свежий воздух и никакой влажности. Предлагаю вам подумать о целине. Там уж точно воздух свежий!

«Да, ситуация. Вот тебе и техника безопасности! Вот тебе и охрана труда. Сам учил шахтеров не расставаться с респиратором, а себя не сберёг, – Гриша представил свою работу в этой пластиковой „дуре“, как прозвали респиратор шахтёры. Я уже пытался так работать. В жаркую погоду пот заливал глаза, да ещё нужно разговаривать, командовать. Бред!»

...К удивлению Гриши, Фенька выслушала, мужа, молча, только сжатые губы выдавали её напряжение. К концу второго дня Фенька присела тихонечко рядышком, прижалась к плечу Гриши, и уверенно произнесла: «Едем! Тильки я к маме съезжу. Попрощаюсь».

...Алексей Терентьевич! Вызывали? – Гриша застал начальника участка за изучением бумаг.

– Да вот, Гриша, пытаюсь понять, что здесь врачи понаписали. Оказывается, запустил ты свои болячки. Предлагают сменить профессию и климат. Как сам – то думаешь?

– Голова идёт кругом! Только зажили, как люди. Вот в новый дом перебрались. А тут, как снег на голову. Что я в тех степях забыл? Не баранов же пасти!

– Ну, с твоими способностями и образованием до баранов ещё далеко. А вот о целине подумать стоит. Задачи партии по расширению объёмов продовольствия ты знаешь. Про второй этап освоения целинных и залежных земель тоже знаешь. Тут я вспомнил про друга своего. Он в облисполкоме отделом по переселению заведует. Давай поступим так: я напишу характеристику и направление от шахты, а ты съездишь в Сталино и поговоришь с ним. Я уверен, что у него есть подробная информация на этот счёт. Буду ходатайствовать перед Стахановым, чтобы материально помогли на первое время. А Фёдору, другу своему, сегодня же позвоню. С поездкой не откладывай. Домашние дела потом уладишь. Договорились? Приедешь, зайди.

– Хороший человек, Назаренко, – возвратившись, домой, Гриша устало сел за стол и обхватил голову руками, – пообещал помочь. Завтра нужно ехать в Сталино, узнать, что и как.

– Давай Ивана с Валею позовём, – Феня поняла, что Гришу нельзя оставлять одного, со своими мыслями, – я картошки отварю, капусту заправлю.

Иван с Валею, молча, выслушали рассказ Гриши о своей беде.

– Вот Ваня. Я говорила, что это добром не кончится. Погубите вы здоровье с этой пылюкой проклятой. Ну и что, что у тебя ничего не нашли? Ты мне не нужен в сорок лет инвалидом, – поняв, что сказала, что-то не то, Валя обняла мужа, – я тебя и хромого любить буду, а вот дети этой пылюкой тоже дышат.

– Ну, шо ты Валя, такое кажешь, – Иван отрицательно кивнул своей кудрявой шевелюрой, – у Гриши ранение. Вот оно и вышло.

– Ты, Иван, поехав бы завтра с Гришей, може советом яким поможешь. Нельзя его одного – якусь глупость сробит.

– Завтра у меня выходной, прокачусь. Не бойся, Гриша, я с тобой – прорвёмся!

...В облисполкоме встретили хорошо. Дежурный проводил до самого кабинета.

– Вот Фёдор Парфильевич, к вам. Говорят по вопросу переселения, принимайте.

– Вы откуда? Проходите, садитесь. С шахты 20—20 бис? Подождите! Мне вчера Алексей Терентьевич Назаренко звонил. Кто из вас Сафин будет? Вижу офицер. Где служили? А я на Белорусском. Да вы поближе садитесь. Выкладывайте. какие проблемы?

Пока Гриша объяснял ситуацию, Фёдор Парфильевич рылся в столе, потом встал, подошел к шкафу и принес какой-то плакат.

– Да ты продолжай, продолжай, я хорошо вас слышу, – плакат оказался картой СССР.

– Так, хорошо. Всё ясно. Заключение врачей мне не нужно. А вот характеристика будет к месту. Дело в том, что набор на Целину производится только в добровольном порядке. Сейчас мы заканчиваем второй этап организованного набора. Лимит не закрыт только на шесть семей. Вот посмотрите на карту. Три семьи просит Актюбинская область, в совхоз «Хлебодаровский». Одна семья требуется в Саратовскую область. Вот, смотрите, восточная часть, колхоз «Большевик». Две семьи можем направить в Западно – Казахстанскую область, «Фурманово», МТС. Это то, что по Программе поднятия целинных и залежных земель. Вы можете также самостоятельно переселиться в Кустанайскую и Целиноградскую область. У них лимита нет. Всё решают власти на местах.

А шо за така программа? – Иван пересел ещё на один стул поближе.

– По Государственной Программе переселенцам положены льготы и компенсации. Проезд, перевозка вещей. Подъёмные на месте. Материальная помощь на строительство дома, на приобретение коровы. Выплачиваются деньги и на детей, если есть.

– А сколько на шо?

– На шо трэба, на то и сколько, – Фёдор Парфильевич расхохотался, – вот вам Памятка, здесь всё расписано. Если примите решение сегодня, то напишите заявление. На втором этаже, вам выдадут список необходимых, для оформления, документов. Только не затягивайте, товарищ Сафин, вам два дня срока. Если решите сегодня, я жду вас до пяти часов. Дела, извините.

– Слухай, Гриша – Иван присел на скамейку у входа, когда они вышли на улицу, – даже гроши дають! Може и нам с вами махнуть на ту целину? Я же танкист! Для мэнэ трактор, як та тарантайка. Бач! Ты впереди газуешь, а я за тобой! И, никого, тильки птички на плуге сидять.

– Ты, не «пори горячку». Валюха тебе погазуе!

– Валюха моя поперёк не встанет! Вина выросла в степях. Не хоче вина, шоб дети глотали ту пыль. Всё! Не отговаривай, и не злюкай. Казав, шо еду и баста.

– Ну и куда ты собрался? Вон сколько мест на карте! Даже я растерялся.

– А я уже придумав! Помнишь я тоби рассказывал, шо у мэнэ свояк в Казахстане живе? Так тож как раз в Уральской области. Вин писав, шо казаки там живут. А казаки народ трудолюбивый, в обиду не дадут.

– Там ещё казахи живут! Ты не забывай, что это Казахская ССР. Придется привыкать.

– Свояк же привык. Вин там уже седьмой год живе, и ничего. Пише казахи народ добрый, у них есть чему поучиться нашему брату.

– А, наверное, ты Ваня прав! И не тащить семьи за тысячи километров. Ну, что друг? На Целину! Дадим стране больше продовольствия?

– Дадим! Пишлы писать заявление, пока вин не ушёл.

Дома, Феня с Валей, выслушав, перебивающих друг друга мужей, переглянулись, и не сговариваясь побежали за горилкой...

Дату отъезда сообщили через три дня. Отправление поезда с переселенцами – 12 мая 1960 года. И началась суета. За три месяца нужно собрать документы, уволиться, продать вещи, разобраться со школой. В апреле появилась возможность у Фени съездить, навестить мать. Любочку забрала Валя. Борька с Валеркой ночевали у тётки Нади. Радис напросился ехать с матерью. Гриша заканчивал дела с документами...

...Попившина встретила Феню тишиной. С Ромны запустили автобус через Бобрин на Анастасьевку. Знакомые места волновали сердце. «Пять лет! – Феня встречала глазами каж-

дое дерево, каждый бугорок, – вот и ставок! Даже то бревно на месте, только дерево наклонилось ближе к земле» Калитка к хате была открыта. Дверь в хату тоже открыта. Феня с Радиской тихо вошли в дом. Пахло теплом и блинами!

– Мама! Ты куды поховалась? Бач, хто приихав? Принимай гостив!

– Яких гостив? Доця! Як же так? – баба Анна попыталась встать навстречу, но бессильно опустилась опять на скамейку, – що ты не написала? Данила бы встретил. Ой, радость, то какая! А это чей хлопец гарный? Не Радиска ли? Внучек мой перший.

– Здравствуйте баба Аня. Куды чемодан поставити? – Радис деловито поставил чемодан, подошёл к бабушке и «по взрослому» чмокнул в щёки.

– Видишь, доченька, не хожу я своими ногами. Тильки палка мене веде. Куды вона, туды и ноги мии. Да вы заходьте в светлинку, а я вослед доковыляю.

– Мама, не спеши. У нас есть четыре дня, буде время погутарити. Давай я лучше борща сварю, тут нам Гриша м'ясо положив. Казав: приидешь сразу борща навари. Мы с Радиской тоже проголодались с дороги.

– Глашу трэба позвать, вона кажин день спрашивает, как у вас там, на Донбассе. Когда Радиску привезут? Небось, соскучился за бабушкой родной? Тоже плоха, Ковальчиха. Мы с ней соревнуемся, хто уперёд богу душу отдаст? Да уступать не хотим, две коряги.

– Буде, мама, бога гневить. Живите, пока вин даёть. А Бабушку Глашу Радис сам приведёт. Не забыл ещё, где бабушка живёт? Как борщ поспеет, так и сходишь. И гостинцы для бабушки сам отдашь. Вот бабушка обрадуется...

Четыре дня пролетели, как один миг. Всё обговорили, всех вспомнили. Порадовались, поплакали. Феня рассказала о переезде на целину, о болезни Гриши. Радиска бегал, то к одной бабушке, то к другой. Данила заскочил. Повзрослел, поседел, но остался таким же молчаливым. Фенька не решалась расспросить мать о его семье, но мама сама рассказала.

– Вони, як ты уехала, дом поставили в центре. Двухэтажный, чи с мансардой. Данила звал менэ, в тот дом переихать, но невестка казала «Или мать или вона!» Так вин её выбрал. С той поры невестка сюда не приезжае. Данила прииде, дров нарубэ и назад, у тёплую постель. Сам вин ничего не скаже. Вийна так искалечила, що вин до сих пор ходе, як дитя.

– Гриша не против, що бы я тоби с собой забрала. Може поедешь к нам? В Казахстане кажуть тепло.

– Спасибо доченька! Но я от порога не ходок. Здесь, мий Митрофан, первый гвоздок забив, здесь и последний хай Данила забье. А твоя доля, за мужем держаться, да детей растить. Порадовала ты меня, дочка, внуками. Борьку с Валериком я помню. Жалею, що Любочку не побачу. А може и свидимся ещё? Приидете на место, напиши, що, да как. И адрес пропиши.

Прощаясь, мама не проронила ни слезинки, только руки дрожали на Фенькином плече...

– Как там мать? – Гриша, заметив грустные глаза Феньки, когда они вернулись домой, – ты предлагала с нами поехать?

– Не хоче. Може и правильно, не выдержит она дороги. Казала, у своей хате доживать буду. Вы, тут здесь как без нас? Не оголодали?

– Всё хорошо. Документы я оформил. Борькины документы из школы забрал. Порадовал он нас. В табеле одни пятёрки! Умный парень растёт. Иван тоже всё сделал. На шахте машину дают до поезда. Только одна проблема. Не разрешают мебель с собой брать. Только постель и посуду. И мелочь всякую. Говорят, на месте другую мебель возьмёте.

– Да яка у нас та мебель? Два шкафа, да кровати. Тронь – рассыплотся. Стол жалко, що осенью купили. Да стулья ещё новые.

– Тут соседи по старому бараку приходили. Сказали, всё заберем, если торговаться будете. Я сказал, что Феня будет командовать. Скажи им, когда можно прийти.

Провожать пришли все соседи. Ребята со смены вручили пакет:

– Здесь шахтёры насобирали немного на первое время, вы уж возьмите, не обижайте. Какая она, дорога, ещё будет?

Когда вещи были уже на машине подъехал Алексей Терентьевич Назаренко, начальник участка. На груди красовалась звезда Героя Социалистического труда.

– Еле успел, прямо с совещания, – Алексей Терентьевич, зачем – то прикрывал рукой, сверкающую на солнце звезду, – вот, не успел переодеться.

– Ну, что вы, Алексей Терентьевич! Вам очень идёт звезда на груди. Вот и торжественность моменту она придаёт.

– Красивых слов я говорить не буду, знаю, ты этого не любишь, но большое, сердечное спасибо от имени шахтёров, и от себя лично, я сказать обязан. Спасибо за трудолюбие, за профессионализм, за доброе отношение к своей смене, к своим товарищам. О себе ты оставляешь добрую память и, к сожалению, часть своего здоровья. Надеемся, свежий ветер целины, будет тебе хорошим доктором. Лёгкой тебе, и твоей семье, дороги!

И уже через два часа, пять зелёных вагонов – теплушек, с белыми надписями на боку, «*н а ц е л и н у!*», тронулись со Сталинского вокзала на восток. Прощай Донбасс! Прощай Украина! Прощай шахта 20—20 бис! Здравствуй КАЗАХСТАН!

Глава вторая. Целинный разлом

– Мама! Папа! Радис! Смотрите, море! – Борька прилип к широкой щели деревянного щита, закрывавшего вход в вагон, – и пароход! Вона, вона, белый!

– Це не море, сынок. Це рика великая! Волга – матушка! Я в сорок втором уже бачила цю Волгу. Два рази, – Феня с гордостью оглянулась на мужчин.

– Нужно монетки бросить. На счастье. Феня, принеси. – Гриша с Иваном выглянули из-за щита, придерживая мальчишек, – Да быстрее. Они в правом кармане серого пиджака. Давай!

– Валерка! Держи две копейки. И давай по команде, – Борька вытащил из коротких брюк монетки и одну отдал Валерке, – давай. Раз! Два! Три! Кидай!

Все, по команде, бросили монетки навстречу освежающему ветру. Как красиво! Поднимающийся рассвет красными бликами мигал по бесконечному водному полю. Только изредка проплывали верхушки затопленных деревьев на небольших островках.

– Пап, а в Волге рыба есть? Большая? – Борька заметил маленькие лодки, прилипшие к одному из островков, – Есть! Вон рыбаки на лодках сидят. Сейчас поймают большущую рыбу! И нам бросят.

– Лыба! Лыба, – донеслось снизу у щита – на Любочку никто не обращал внимания. Не до неё сейчас!

– Да, большая река! А у нас будет река? – Валерка дёрнул Радиску за рукав.

– А я, знаю? Вон у Борьки спроси. Он у нас всё знает.

– Всё, дети, отходим от дверей, бо занозы позагоняете. Вон, бачьте як девочки тихо сидять. И Любочка, умница, тихо грае. А где её игрушки? Борька! Я що казала? Поглядайте!

Борька с Валеркой кинулись собирать игрушки, а их нет! Нет, ни возле сестрёнки, нет ни возле кровати. Нет нигде! Нет ни пупсиков, ни медвежонка, ни рыбки. Нет ни кружков с пирамидки, ни раскладок с картинками. Нет даже сандалика на одной ноге!

– Вот у кого счастья будет целый чемодан! – Иван прыснул от смеха, – Валюха! Хай, Леночка с Оксанкой, тоже по монетке бросят. Може женихов в Казахстане снайдут.

– Сейчас снайдут! Так тебе женихи в Казахстане табунами и пасутся, в той степи. Давайте завтракать, каша уже готова! – Валя приподняла крышку с кастрюли на «буржуйке». Вагон наполнился ароматным паром.

– Опять пшонка! – Радис сдвинул стол в середину вагона.

– Если мы щё недилю будемо ехати, то и пшонка закончится и детей порастеряем.

И действительно. Уже неделю в дороге. Трижды перецепляли на другой состав. Две ночи вообще стояли. Вагон не зря «теплушкой» прозвали. Посередине печка «буржуйка» с запасом дров и угля в ящике. По противоположным стенкам полати, сбитые из толстых досок. Посередине вагона крепкий стол со сбитыми накрест ножками. Для двух семей вполне уютный домик на колёсах.

– В Саратове сказали, что это последний перегон. После обеда будем на станции Александров Гай. Там машины ждут из Фурманово, – Гриша погладил карту, лежащую на столе, – и целина обнимет нас своей материнской любовью!

– Нехай обнимае, тильки не душе!..

...На станции вагон отцепили и загнали в тупик, недалеко от вокзала.

– Пойду, узнаю обстановку. Феня! Валя! Детей из вагона не отпускать. Собирайте пока узлы. Иван! Ты со мной?

Через полчаса мужики вернулись с усатым дядькой.

– Здравствуйте, люди добрые! Мы вас уже второй день ждём. Думали, что затерялись. Машина сейчас подъедет. К вечеру будем на месте. Дети поедут на «Бобике» и моя «Победа» свободная. Я не представился: Кучерный Матвей Петрович – уполномоченный Фурманов-

ского района. А это Алибек Таукенович Пшимов, – уполномоченный показал на подходящего к вагону мужчину, – директор МТС. Машино – тракторной станции нашей. Сколько у вас детей! Шестеро? Это хорошо. Ну что, будем грузиться?

И уже через полтора часа небольшая колонна поднимала пыль на незнакомой дороге. Иван сел в грузовик. Радис, мать и мальчишки уселись на заднем сидении «бобика». Валя с девочками уютно устроились на мягком сидении легковушки, а Гришу Матвей Петрович усадил рядом с собой, впереди. «Я познакомлю вас с обстановкой».

– Вы последние, кого мы принимаем в этом году, – начал свой разговор Матвей Петрович, когда машины выехали на пустынную дорогу, – район по подъёму залежных земель задание партии выполнил. В мае осталось допахать две-три тысячи гектаров, отсеяться и всё.

– Это, что получается, – Гриша снял фуражку и вытер шею от пота, – мы опоздали на целину?

– Ну, что вы! Целина это не только ударное переворачивание вековых пластов земли. Целина ухода требует и кропотливой бережной работы. Научного севооборота! Опять, культуры нужно подобрать – не каждое зерно земля примет. На это нужны годы и годы. Вон, в пятьдесят четвёртом году в восточном Казахстане? Распахали тысячи и тысячи гектаров земли с уверенностью, что продовольственная проблема решена. Два года радовались. Ордена получали. А в пятьдесят шестом засуха, урожайность упала на сорок процентов. А в пятьдесят седьмом ещё на тридцать! Плодородие земли нужно сохранять, без спешки, без гонки за рекордами. Вовремя вспахать, вовремя пробороновать, вовремя прикатать, чтобы влага в почве сохранилась. Зимой опять же снег нужно на полях задержать. Кто это будет делать? Люди! А в наших степях людей маловато. Так, что вы вовремя в наши края прибыли. Закончится реорганизация МТС и совхозы станут настоящими хозяевами этих степей.

– Так МТС ещё в прошлом году должны преобразоваться в РТС. Ремонтно-технические станции, если я не ошибаюсь. Закон «О дальнейшем укреплении колхозного строя и реорганизации МТС» ещё в 58 году мы на партячейке обсуждали, – «блеснул» Гриша своими знаниями.

– Всё верно. Только решение принималось о постепенной передаче техники совхозам и продаже колхозам. Учитывая важность завершения работ по подъёму целинных и залежных земель, создание РТС отложили на 60-й год. Точнее эта работа идёт параллельно. Спешка может повредить земле.

– А какие здесь земли? Черноземы? У нас в Башкирии, где жили мои родители, земля, как сажа, чёрная и жирная. Палку воткнешь, через год уже цветёт!

– В Западном Казахстане, к сожалению, черноземов нет. Если интересно, я расскажу немного о нашем климате, может пригодиться. Летом, в июле, стоит жара по сорок, а зимой морозы за сорок. Да, что зимой. У казахов легенда бытует: «22 марта отмечается наступление нового года „Наурыз“. Есть традиция навестить своих родственников в разных аулах. Как-то в апреле собрались гости в одном ауле. Хорошо посидели! И решили ехать в гости в другой аул, по степи прогуляться, свежим воздухом подышать, благо погода была хорошая, солнечная. Выехали в степь, а тут неожиданно снег пошёл, да такой, что в метре ничего не видно. Растерялись гости, да и ушли в другую сторону. Больше их никто и не видел. Пятеро их было. А на дворе середина апреля, весна! Так и прозвали это время „Бес кунак“, что в переводе „Пять гостей“. Как только похолодание в апреле наступает, опасаются казахи в гости приглашать – верят поверью». Одним словом, резко – континентальный климат. При таких колебаниях даже карагач не выдерживает, сохнет. Земли, в основном, светлокаштановые глинистые. Четвертая часть района – солонцы. Четвертая часть – камышитовые степи. Главный хозяин степей – ковыль. «Кавыл», как называют его местные жители. Основной вид деятельности – овцеводство. Местные власти, как могли, сопротивлялись, что бы у нас не трогали землю. Но планы Партии есть планы Партии. Руководство сменили: «за сопротивление реализации Продовольственной Программы». Многие лишились партбилетов и пошло-поехало. Пригра-

ничные, с Куйбышевской областью, земли в прошлом году распахали. В этом году пошли «под плуг» серозёмы в бассейне Узеней. Последние, пригодные земли будут распаханы в Талдыкудукском сельском Совете. Да вы увидите, мы же туда едем. Как я говорил, работы вам хватит! Ещё детям вашим останется.

– Извините, Матвей Петрович, а люди какие у вас?

– Сорок четыре процента казахов, остальные в основном, казаки. Уральские. Я и сам из семьи казаков. Родители мои в двадцатом бежали с берегов Урала, да не доехали до Саратова. Здесь уже и дети мои выросли. Обратите внимание, большинство станиц носят казацкие названия – Степановка, Асерчево, Стольниково, Аксёнкино.

– Вы говорите, что в двадцатом бежали. А, от кого, извините, бежали? Ведь Советская власть была.

– В двух словах не объяснишь. В далёкие, старые времена кочевали по этим землям, со своими стадами, племена гуннов, огузов, кимаков, кипчаков. После развала Золотой Орды, на осколках Казахского ханства был образован Младший жуз. Ни с кем не сорились, не воевали, к соседям относились лояльно. Пасли своих овец, верблюдов, да лошадей на просторах Общего Сырта. До тех пор, пока, после царских реформ в Российской империи, не появились на берегах Жайка (сейчас Урал) беглые люди. Одни говорят староверы. Другие утверждают, что вольно отпущенные крестьяне. Но называли они себя казаками. К семнадцатому веку здесь уже была казацья вольница, потом Яицкое казацье войско. Казахов потеснили за Урал, казаки объявили себя форпостом Российской империи и, стали жить-поживать, добро наживать. Строили станицы, понемногу распахивали земельку и ловили рыбу к царскому столу. А рыбка-то какая! Красная, то есть самая прекрасная. Белуга, севрюга, осётр. Заодно и станицы называли по рыбным местам – Белугино, Севрюгино, Старица. Чёрную икру бочками доставляли к царскому столу. Потом казаки замирились с местным населением, избрали себе наказного атамана и, всё шло прекрасно. В 1773 году пришла беда. В Форпосте Бударино появился Емелька Пугачёв. Что он там наобещал казакам, неизвестно. Но казаки признали его царём Петром третьим и принесли ему клятву на верность. Два года крестьянское восстание Пугачёва терзало власть Екатерины второй. Казаки даже оженали Емельку в Яицкой церквушке, «чтобы не сбёг». Восстание подавили, но царица затаила обиду на казаков. Вот с той поры река Яик стала называться Уралом, а Яицкий городок – Уральском. Больше ста лет казаки смывали с себя «пятно позора» за лжецаря. В начале века казакам дали послабление. Часть земель было передано Уральскому казацкому войску на правах нераздельного общинного владения, а оставшуюся часть государственной собственности в общественное пользование казаков. Когда произошла Октябрьская революция, казаки заволновались. Поползли слухи, что отберут земли и ликвидируют казацкие общины. А рыбный промысел национализуют. В годы гражданской войны большинство казаков пополнили ряды «белой армии». В 20-м году, после походов Чапаева, казачество было ликвидировано. Большинство убежали в Иран, Китай, Турцию. Мои родители приняли Советскую власть, но оставаться на берегах Урала побоялись. Попытались вернуться в Пензенскую губернию, откуда родом были их предки, но застряли здесь, спасаясь от голода. Вот такая, у нас, Кучерных, история. А казахи вернулись с левого берега Урала. Хороший, дружный, гостеприимный народ. Да вы сами скоро убедитесь в этом.

– Да, здорово Вы умеете рассказывать. Я даже дорогу не заметил. Спасибо большое, Матвей Петрович! Будем осваиваться, будем привыкать.

Подъехали уже затемно. Машины остановились на окраине посёлка у высокого здания.

– Вот здесь пока будете размещаться, – директор МТС показал на тёмное здание, – это клуб. В нём мы приготовили временное жильё. Располагайтесь, а послезавтра жду мужчин в конторе. Завтра воскресенье, отдохните с дороги. Осмотритесь. А, в понедельник я познакомлю вас с заведующим Курманского отделения МТС и обговорим детали. Всего доброго! До встречи, – машины исчезли в темноте, оставив после себя клубы пыли.

– Мама! Смотри, какие звезды! Здесь, наверное, космос близко, – Борька с Валеркой, задрав головы, с изумлением и восторгом, глядели на яркие точки по всему небу.

– Мама! Кусать хосю! – Любочка настойчиво дергала за юбку матери.

– Ну-ка цыц! Берём узлы и несём в дом, – Гриша ещё не отошел от рассказа Матвея Петровича, – добро пожаловать на целину! Начинаем жизнь с чистого листа. Иван! Пойдем, посмотрим, что нам приготовили.

– Оце хоромы! – Иван удивленно осмотрел первую комнату, – тута ворота поставим, хай ребята в футбол грают. Потолки яки высокие, метра три, не меньше. Чи школа здесь була?

– Не школа, а клуб. По воскресеньям кино будем смотреть.

Вторая комната оказалась не меньше первой. Напротив ещё одна комната поменьше.

– Это кухня будет, – Валюха заметила две электроплитки на столе, – глядите, водопровод есть, вон вода из крана капает.

– Мама, кушать хотим, – девочки неотступно следовали за мамой.

– Вот вам по сухарику. Ложитесь на матрасы и не мешайте взрослым работать.

Когда разместили домашние вещи, дети уже сладко спали на разложенных матрасах.

– Умаялись, путешественники! Долго будут помнить этот день, – Валюха накрыла девочек одеялом, – давай, Феня, я быстренько что-нибудь приготовлю на скорую руку. Поздно уже. Завтра вещи разберём. И не расстраивайся ты так! Сказали же, временное жильё. Хоть отдохнём от колодцев.

– Так я ж ничего. Устала трошки. За мужиков тревожусь, как у них сложиться?

– А, мы на что? Али мы не бабы! Поддержим, направим, приголубим и, наши мужики, полетят теми соколами по той целине.

Воскресение выдалось жарким. Только девять часов, а уже парит – на улицу нос не высунешь, обожжёт. Дети проснулись спозаранку, бегают по комнатам. Того и гляди ноги переломают!

– Ну-ка цыц, детвора! – Гриша никак не мог найти ножку от радиолы, – во двор идите, в тенёчик, раз помогать не хотите. Феня! Отправь их на улицу.

– Ура! Пошли Валерка на скамейку, я вчора её бачил.

– Куды босиком! Пылюку тащить? – Феня перегородила дверь, – быстро одеваться. Що люди скажут. Хватит мени ваших «шахтерских походов» на шахте. Не домоишься.

На улицу ребята вышли по – праздничному. На обоих голубые носочки в сандалях. Трусы холщовые с подтяжками. Маечки белые с синей полоской на груди. Панамки голубые. Одним словом – кавалеры! Посидели на скамейке, пока она от солнца не накалилась – аж рукам горячо!

– Борька! Давай по улице погуляем, хоть до тех домов.

– Айда. Только до тех хат и назад. Вон у колодца пацаны стоят.

Дома по улице все белые, как на Украине. Только крыши не соломенные, а из камыша. И заборов нет. Возле каждого дома печка на улице, с большим котлом. Проходя по улице, Борька ощущал на себе любопытные взгляды женщин, с накрученными на головах платками и, от этих взглядов, становилось неловко. Когда шли назад, их настигла ватага «Чертенят». Мальчишки, лет по пять. Обстриженные «наголо», загорелые до черноты, босиком, в грязных майках, под которыми не видно было трусов. Мальчуганы настигли Борьку с Валеркой. Но подходить близко не решались. Минут пять, молча, шли поодаль, но осмелев, стали заходить по сторонам. Стало очень жарко. Борька с братишкой стали обмахиваться панамками, чтобы пот не щипал и не затекал в глаза. И тут началось!

– Ақ бас! Қара бас! Ақ бас, қара бас! – «чертенята» начали плясать и кидаться комками глины с песком, – Орыс, орыс, ақ бас! Орыс, орыс, қара бас!

– Борька! Мне страшно, побежали домой! Чего они от нас хотят?

– Не бойся. Это такая же мелюзга, как и ты. Дразнятся они, а подходить боятся.

До самого клуба ребята шли в окружении местной ватаги.

– Я так и знала! – мать вскинула руки, увидев запыхавшихся детей, – вы шо, траншеи копали? Ци немцы на вас напали? Это ж ухитриться надо за час всю одёжу перемазать! Гриш? Глянь на цих шахтёров! И здесь пылюку нашли. А ты «Хай погуляють! Хай свежим воздухом подышуть!». Ну-ка скидайте всё, Горюшко вы мое!

– Говорил я Борьке, что бежать надо. А он: «Це мелюзга! Це мелюзга!», а они глиной в нас начали кидаться.

– Я шо, трус, чи шо? Просто я по ихнему говорить не могу. Я бы сказал!

– Ишь ты, який герой! А, хто майку стирать буде?

– А, шо они: «Акбас, карабас» на нас дразнили. Я знаю того Карабаса! Он в книжке про золотой ключик над артистами издевался. Страшный такой. Неужели и мы страшные?

– Как, говорите, они вас дразнили? – отец перестал возиться с форточкой, – Акбас, Карабас? Ну, вы меня рассмешили. Вот ты, Борька, у нас белобрысый? Значит, белая голова. А по – казахски переводится как «Ақ бас». Валерка у нас черноволосый. По – казахски «Қара бас». Это они вас называли по своему: черная голова и белая голова. А вы Карабас, Карабас. Ничего, скоро научитесь говорить и по-казахски. И никто дразнить не будет.

– А ты, откуда по-ихнему гутарить умеешь, – Феня с удивлением посмотрела на мужа, – ты же по – своему никогда не говорил?

– Не говорил, а помню. У нас в татарском языке, многие слова похожие, вот я и понимаю. Вот, например, Борька, следующий раз подойдут ребята, а ты им «Сәлем». Это «Привет» значит. Или «Жақсы», что означает «Хорошо».

– Не, я так не смогу. Сәлем, сәлем! Сәлем, Сәлем! Чудно, как-то.

– Сәлем! – вдруг выдала Любочка, – сәлем, сәлем, – и убежала в свой «домик» под столом.

– Вот, правильно, дочка. Одна казашка у нас уже есть!

До вечера Борька с Валеркой просидели дома: «Хватит грязи на сегодня». И только, когда спала жара, решились выйти из комнаты.

– Борис! Там тебя какие-то мальчишки зовут. Или ты опять трусишь? – Радис, с ехидной улыбкой, потрепал Борьку за вихры.

– Ещё чего. Сам ты трусишь. Пошли, Валерка. Кто нас там зовет?

Выйдя на улицу, ребята увидели у скамейки трёх мальчишек. Они были постарше тех, что увязались за ними, днём. Постриженные, но с чёлками. И в длинных разноцветных трусах. Но такие – же загорелые, как негры на картинке.

– Сәлем! – вдруг выпалил Борька, чем привел гостей в замешательство.

– Сәлем! – со скамьи прыгнул худощавый мальчик и протянул Борьке руку, – давайте знакомиться. Я видел, как вы вчера приехали. Сказали, что с самой Украины. Это где?

– Не знаю. На Донбассе, наверное. У нас папка на шахте работал. А меня Борька зовут!

– Борка? Жақсы. Бауржаном будешь. А братишку как зовут? Валера? Понятно. Валиханом будет! Да вы не бойтесь, пацаны у нас хорошие, зря не обидят. Меня Талгатом зовут. А его вот Булатом. А этого Сериком.

– Серик! – прыснул от смеха Валерка, за что тут же получил подзатыльник от Борьки.

– Жақсы! – вдруг опять выпалил Борька, – а мы думали, что по – русски никто здесь не разговаривает.

– Это малышня не разговаривает. У нас в посёлке русская школа. И казаков много. Вот ты, в каком классе будешь учиться? Во-втором? Да и я во-втором. И Талгат во-втором. Серик в первый класс только пойдет. А Валихан в каком классе будет учиться?

– Какой Валихан? А, Валерка, что-ли? Так ему только шесть лет осенью будет.

– А давайте на наше место пойдём. Здесь рядом, у колодца. Там хорошо, прохладно. Мы там, в «пятнашки» играем. И лянгу бьём.

Действительно, у колодца было прохладно. Три больших, толстых вяза, своей листвой, закрывали целую полянку, образовав зелёный большой шатёр. Играющие на полянке мальчики, по очереди подходили к Борьке и называли своё имя. Борька ни одного имени не запомнил. Да и то, что говорили друг другу мальчишки, тоже ничего не понимал.

– Как они знают, о чём говорят, – пытал Валерка, когда они возвращались домой, – и почему они меня Валиханом называют? Это так дразнят, чи шо?

– Это они тебя зауважали! Ты же на них похож. Такой же Карабас! Теперь ханом будешь. Ладно, я шучу. Будем учить казахский язык. Меньше дразнить будут. А мне этот Талгат понравился. Я, наверное, с ним дружить буду. А тебе кто понравился?

– А мне Серик, – Валерка опять вспрыснул от смеха.

Так и закончился первый целинный день. Солнечный, жаркий, но наполненный новыми впечатлениями. Первый день в Казахстане! «Что ещё впереди будет?» – уже засыпая, думал Борька...

...Машино – тракторная станция встретила Гришу и Ивана гулом тракторов и запахом дыма. Со стороны казалось, что люди беспорядочно мечутся между машинами. Сталкиваются, матерятся, передают друг другу бачки и вёдра, замасленные верёвки. То там, то здесь, с грохотом вылетают клубы чёрного дыма, через секунду превращаясь в голубое, а затем белое, облачко.

– Салават! Ты оглох что – ли, – из-за второго ряда тракторов выскочила дивчина в клетчатой рубашке и листком в руке, – кричу, кричу. Ваше звено на четвёртое поле! Причем здесь кривая балка? Там Елисеевская бригада ещё вчера заступила. Михалыч сказал четвёртое поле, значит четвёртое. Все претензии к Михалычу. Что Шура? Я уже тридцать лет, как Шура!

– Шура! Четвёртое поле короткое, мы больше крутиться будем, чем пахать, – круглолицый крепыш всё никак не соглашался расписываться в листке, – Михалыч обещал, или кривую балку, или шестое. Там гон два километра! У нас же трактора новые, им крутиться никак нельзя. Крутиться с девушками на танцах в клубе можно. Я бы с тобой покрутился! Эх, Шурочка, не понимаешь ты душу резвого коня! Ему простор нужен!

– Это ты, что ли конь? – Шура насильно вставила карандаш в руку Салавата, – или подписывай разрядку, или не мешай. У меня ещё три бригады, – Шура заметила незнакомых людей, с удовольствием следивших за её перепалкой со звеньевым, – а вы кто? А вы к кому?

– Нас Алибек Таукенович должен был встретить. Мы новенькие.

– Это с Украины? Алибек Таукенович срочно вернулся в Фурманово. Я вас к Якову Михайловичу сейчас проведу.

Из небольшой конторки, куда диспетчер привела Гришу и Ивана, навстречу вышел высокий, спортивного вида, мужчина.

– Сафин? Пилипенко? – мужчина протянул свою крепкую руку, – Степанков Яков Михайлович, заведующий Курманским отделением МТС. Алибека Таукеновича срочно вызвали в район, и он просил извиниться перед вами. Вы проходите, присаживайтесь. Я сейчас разведу бригады по полям, и мы поговорим. Заведующий убежал, оставив друзей один на один с репродуктором.

– Слухай, Гриша. Яка песня! Не слухав я её, – Иван ближе придвинулся к поющей на стене тарелке.

– Тише ты! Я тоже её не слышал. Видать местная песня:

...Выходил на поля
Молодой агроном,
Говорил, что земля
Вся в наряде цветном.
Хороша земля,

Мой край дорогой,
Люблю тебя
Всею русской душой...

– Ох и гарно спивают! Нужно слова записать.

Он не спал допоздна,
На рассвете вставал,
Чтобы больше зерна
Каждый колос давал.
Ветер кудри трепал,
Золотистый ленок.
Агроном напевал
У колхозных дорог.
Молодой агроном
Не уходит с полей.
Он приходит сюда,
Как к невесте своей.

– Тихо ты! Сейчас скажут, кто поёт, – Гриша приподнял с ушей фуражку.

– Вы прослушали новую песню «Молодой агроном» в исполнении Оренбургского народного хора, – динамик «хрюкнул» и затих...

– Ещё раз прошу меня извинить, хлопцы. Присаживайтесь поближе, будем знакомиться, – Яков Михайлович отодвинул стол и сел.

«Какого же он роста?» – Гриша с изумлением глядел на заведующего: «Как же он в трактор помещается? Ну, прямо дядя Степа – милиционер!»

– Вы, наверное, думаете: «И как он в трактор помещался?», – Яков Михайлович рассмеялся, – угадал? Все так думают. А я отвечаю: «Да никак!». Я и не пытаюсь. Всегда работал на С-4. В народе «Сталинец» называли. Открытый и мощный. Колёсные трактора МТЗ-2 тоже открытые – хоть небо подпирай. Много земли я на них перевернул. А когда поступили гусеничные ДТ-54 и колесные МТЗ-5, МТЗ-50, всё – кончилось моё время! Потому, что все трактора начали поступать с кабиной, а я в них никак не уместаюсь. Так и стал, вот, начальником поневоле. Если только на комбайн пригожусь. Что-то мы отвлеклись. Давайте документы. Прикинем: что и как.

Яков Михайлович минут десять перебирал документы из рук в руки. Уже через пять минут Гриша понял, что заведующий в замешательстве и, никак не может принять решение. Ему знаком был этот пустой взгляд в бумаги. Делаешь вид, что изучаешь, а сам думаешь, думаешь...

– Ну, что ж, – заведующий выпрямился на стуле, от чего стал ещё выше, – я понимаю, что с войны вы видели комбайны только угольные. А трактора встречали только на улице. Не спорю, права у вас есть, но довоенные. Значит навыки подзабылись. А, сразу, посадить на новую технику я не могу. И себя погубите, и технику покалечите. Но, с другой стороны, вы теперь целинники! Как и мы здесь все. И каждый должен найти своё место. Правильно я говорю?

– Може и правильно, но я четыре года скакав по тим оврагам на своём боевом Т-34, – Иван придвинулся, со стулом, ближе к заведующему, – да я на этих «тарактелках» враз всю степь «обгуляю». И Гришу научу!

– Ишь ты «Обгуляю». Да у меня половина танкистов! А когда жара за сорок, не выдерживают, прямо на ходу в обморок падают. Ну, хорошо. Принимаю такое решение: Завтра

выходите в поле подменными. Неделя стажировки, а там посмотрим. Сегодня оформляйтесь и садитесь изучать материальную часть тракторов. Вечером я проведу небольшой экзамен. Если наставники скажут добро, определю вас на самостоятельную смену. Шура, мой диспетчер, проводит вас на инструктаж по технике безопасности и, с богом! Да, Глимхан Мусалимович! Правильно я называю? Сдайте документы секретарю партячейки для партийного учёта. У нас ячейка небольшая, семь коммунистов, но партийная дисциплина крепкая.

– Яков Михайлович! Называйте меня Григорий Михайлович, чтобы язык не ломать. Я уже привык.

– Хорошо. Вы моложе меня, поэтому буду называть Иваном и Гришей. Договорились? Вот и ладненько. А Михалычем, как кличут меня мужики, буду я. Шура! Ты, где там застряла? Покажи новичкам всё, что нужно. До вечера.

Через неделю, Михалыч пожимал руки Ивану и Грише.

– Не ожидал! Столько лет не работали на технике, а получили отличную оценку от наставников. Я уже распорядился закрепить вас за тракторами. Завтра выходите на самостоятельную смену. В третью бригаду. У нас осталось одно поле. Шестое. Это будет ваше первое поле на целине.

Первое поле на целине! Гриша был ошеломлён увиденным. Ровная, бесконечная ска-терть, расчерченная чёрными полосками пашни, сливалась с небом у горизонта. Ковыль уже выбросила свои белоснежные, сверкающие на солнце, метелки. Легкие порывы ветерка приводили их движение и, о чудо! Белая скатерть превращалась в море с бесконечно набегающими ковыльными волнами, а трактор в корабль, плывущий по этим волнам. Гриша вдруг почувствовал себя капитаном, которому подвластны эти бесконечные просторы. Где-то впереди Иван, на своём тракторе, приветствовал лёгким шлейфом пыли. Сзади, трёхкорпусной плуг, оставлял ровную, чёрную полосу перевёрнутой земли. С каждым кругом эта полоса расширялась, превращаясь в чёрное поле, готовое принять неизведанные ему семена, которые люди зовут хлебом. Что-то в этом было загадочное, выплывающее из старины, связывающее в сознании невидимые ниточки с дедами и прадедами. Гриша вспомнил слова отца, когда он брал его в поле: «Глимхан! Никогда не ругай землю, без надобности не ковырай её и не жги. Наши предки веками отвоёвывали её у леса. Она кормит и поит нас. Она даёт нам жизнь!». Правильно тогда Гриша принял решение: – Окончить курсы трактористов перед войной. И даже успел в 41-м поработать в колхозе. Правда, трактор был другой – американский. Не то, что этот. Пятьдесят четыре лошади! Видел бы отец, как его сын покоряет это, волнующееся ковы-лью, поле. Не увидит. Убили его кулаки в 40-м! Убили, как председателя колхоза, как верного борца за Советскую власть. А может всё-таки видит? Из-за белых облаков, плывущих по голу-бому небу. Из-за колыхающего горизонта этих бескрайних степей. Наполнив «гордостью» своё сердце, Гриша вдруг запел:

На горе колхоз, под горой совхоз.
А мне миленький задавал вопрос

Дальше Гриша слов не знал, но мотив навязчиво заставлял повторять эти слова снова и снова:

На горе колхоз, под горой совхоз.
А мне миленький задавал вопрос

Стараясь отвлечься от навязчивой мелодии, Гриша решил перебить её, другой, услышан-ной недавно песней:

Едем мы, друзья,
В дальние края,
Станем новоселами.
И ты, и я!

«Вот, это другое дело, – Гриша улыбнулся самому себе, – а, то «Миленький задавал вопрос» – работать надо, а не вопросы задавать! – Гриша заметил впереди трактор Ивана и остановился.

– Всё, шабаш! Обед, – Иван подошёл с узелком, – давай, Гриша, у тенёчек. Трошки отдохнём. Бежит мой конь, як той жеребец необъезженный! Я за ним не поспеваю. На таких тракторах мы Гриша с тобой скоро стахановцами станем.

– Да. Алексей Григорьевич сейчас бы порадовался за нас. Пятнадцать лет землю снизу «чесали», теперь сверху «гладим». Землеробы! А, что? Мне нравится. Смотри, как степь ковыльная волнуется? Радуется! Когда девушка женщиной становится, она рожать начинает. Род продолжает! Так и земля. Погладили мы эту землю своими плугами, глядишь, и родит она к осени добрый хлеб. Была целина, стала полем-матерью! – Гриша развязал свой узелок.

– Вот тебе и матери! – Иван облизал деревянную ложку, – Так це каша из одной кастрюли. Фенька варила, а Валюха в чашки насыпала. Молодцы наши бабы, свой колхоз создали, голодными не будем. Эх! Сейчас бы ту горилку из ресторана, шо в Сталино подавали. Помнишь, Гриша, як мы телевизоры покупали? Так, через ту горилку, тильки на радиолу и наскребли. Ничого! Тий «Рекорд» буде наш, як мы здесь поставим рекорд. Шо я сказав? Я, и сам не поняв. Я говорю, шо заработаем и на телевизор, и на пальто кожаное. На таких-то конях! Завтра пять лемехов попрошу! Михалыч мужик добрый!

...Июнь пролетел незаметно. Боронование. Посев. Вот и поля оделись в зелёный наряд. Дожди порадовали землю. Быть урожаю! Весь июль Гриша провёл в мастерской – готовили технику к передаче в совхоз. В первых числах августа собрались механизаторы на собрание в красном уголке МТС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.